

Брайан Герберт, Кевин Андерсон

ДЮНА

ГЕРЦОГ
КАЛАДАНА

Вселенная Дюны

Кевин Андерсон

Дюна: Герцог Каладана

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Андерсон К. Д.

Дюна: Герцог Каладана / К. Д. Андерсон — «Издательство АСТ»,
2020 — (Вселенная Дюны)

ISBN 978-5-17-134369-9

Лето Атрейдес, герцог древнего рода и отец Муад'Диба. Все знают о падении и возвышении его сына, но мало что известно о тихом правителе Каладана и его возлюбленной Джессике. Исключительное благородство и терпение помогают Лето преданно служить Императору. Он действует прямо и честно, пока другие аристократы Великих и Малых Домов плетут интриги, а потому наживает могущественных врагов. Однажды на прекрасный Каладан приходит беда, и теперь Лето должен защитить свою планету от зла. Ему предстоит одолеть невидимого, смертельно опасного противника и сберечь самое дорогое, что у него есть, – семью, честь и любовь народа.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-134369-9

© Андерсон К. Д., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	63
-----------------------------------	----

Брайан Герберт, Кевин Андерсон

Дюна: Герцог Каладана

Этой книгой, как и всем, что было написано нами до сих пор, мы в огромной степени обязаны нашим чудесным женам, Джен Герберт и Ребекке Моеста. Нам бы также хотелось посвятить этот роман двум любимым и близким людям, которые слишком, слишком рано ушли от нас, – Брюсу Герберту и Джонатану Коуэну.

Brian Herbert
Kevin J. Anderson
DUNE: THE DUKE OF CALADAN

© Herbert Properties LLC, 2020
© Перевод. А. Анваер, 2021
© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Человек, не совершивший в жизни ничего достойного, часто громче всех хвастается своими достижениями.

КАНИКТ: «Анализ имперских сочинений по истории»

Он находился сейчас далеко от дома, там, куда никогда не стремился, но, когда Падишах-Император пригласил всех членов Ландсраада на встречу, Лето Атрейдесу пришлось подчиниться. Он был главой Великого Дома, герцогом прекрасного Каладана, да к тому же приходился дальним родственником Шаддаму. На его отсутствие сразу обратили бы внимание.

По счастью, ему не пришлось для этого лететь на кричаще безвкусную, шумную планету Кайтэйн – столицу Империи. Дело в том, что в сердце Вселенной просто не было места для экстравагантного мемориала, задуманного правителем, и Шаддам для его устройства выбрал уголок, о котором прежде никто и слыхом не слыхивал. Императору требовалась такая планета, где можно было похвастаться всеми его достижениями и свершениями, и самой подходящей из них являлась Оторио.

Когда навигатор привел свой лайнер к планете-музею, Лето находился на космической яхте Атрейдесов, доставленной на борт гигантского корабля Гильдии. В этом путешествии Лето сопровождали, кроме пилота, несколько слуг, но сейчас он был один в своей личной каюте. У герцога была незаурядная внешность – длинные темные волосы, пронизательные серые глаза и выдающийся орлиный нос. Во всем его облике проступала непоколебимая уверенность в себе, которую не сможет затмить даже величие нового музейного комплекса.

Лайнер остановился на стационарной орбите, и находившиеся в его огромном трюме суда выстроились в очередь, чтобы покинуть корабль и спуститься на Оторио. Прежде это была совершенно незначительная планета, которую много столетий игнорировали путешественники, деловые люди, колонисты и имперские аудиторы. По-деревенски чистый и безмятежный, этот мир долгое время представлялся тихой заводью в океане имперской политики.

Теперь, однако, на планете выстроили новый гигантский комплекс, который должен был прославить десять тысяч лет правления Дома Коррино. Именно тот факт, что Оторио не была особенно известна в прошлом, означал, что музей самовосхваления Шаддама станет величайшей достопримечательностью планеты. Лето прекрасно понимал ход мыслей Императора.

Многие благородные аристократы прибыли сюда для того, чтобы привлечь внимание Императора, надеясь приумножить свое состояние, приобрести влияние и сокрушить соперников. Лето не преследовал таких целей. У него было свое значительное владение, правление его было устойчивым, и он уже не раз становился объектом внимания – благосклонного или враждебного – Императора Шаддама IV во время их предыдущих встреч. Герцогу Лето не требовалось ничего доказывать, но присутствовать на встрече было его долгом.

На Оторио должно было высадиться так много благородных паломников, домогавшихся милостей Императора, что выгрузка кораблей грозила затянуться на несколько часов, а яхта Атрейдесов расположилась весьма далеко от головы очереди.

Покинув Каладан, герцог старался отвлечься от скучного путешествия, продолжая работать в каюте. Он изучил данные о косяках лунных рыб, отчет о числе частных судов, погибших во время недавнего тайфуна, поинтересовался он и сведениями о ходе обучения и физической подготовки своего сына Пола. Лайнер совершил облет всех планет, откуда должны были прийти на встречу главы Домов, так как прямых рейсов, связывавших эти планеты с Оторио, просто не существовало. Шаддам намеревался изменить такое положение дел.

Ожидая своей очереди на выгрузку, Лето включил настенный экран, чтобы осмотреть незнакомую ему планету. Плотные облака клубились над океанами и коричнево-зелеными просторами континентов. Огромный музейный комплекс Шаддама, без сомнения, нарушит безмятежное течение жизни Оторио. Большие группы архитекторов и строителей буквально наводнили планету, преобразив до неузнаваемости единственный крупный населенный пункт. Были вымощены бесчисленные квадратные километры поверхности. Словно водоросли во время прилива, повсеместно вырастали монументы и статуи. Были воздвигнуты административные здания, гражданские центры, интерактивные аттракционы, цирки и аудитории. Были отстроены исполинские стадионы, вмещавшие сотни тысяч зрителей, – и это все на планете, население которой, как узнал Лето из имперского справочника, до совсем недавнего времени едва превышало один миллион человек.

Включилась связь с пилотом.

– Наше судно уже четвертое в очереди, мой герцог. Скоро будем выгружаться.

Пилот говорил с сильным простонародным каладанским акцентом. Спутниками Лето выбрал нескольких рабочих, для которых это путешествие было настоящим приключением, и то, что он смог доставить своим людям радость, согревало сердце Лето. Для них подобная поездка – воспоминание на всю жизнь.

– Спасибо, Арко, – ответил Лето, намеренно назвав пилота по имени. Он отключил связь и откинулся на мягкую кожаную спинку кресла.

Глядя в иллюминатор, он вдруг подумал, что ему следовало взять с собой сына Пола. Леди Джессика, правда, не была любительницей космических путешествий и не стремилась вмешиваться в придворную политику, но их четырнадцатилетний сын был умен и любознателен. Лето гордился своим наследником, однако не хотел участия семьи в этом скучном, тягостном мероприятии, единственной целью которого было самовозвеличивание Императора.

Но, с другой стороны, он не может до бесконечности прятать Пола от имперской политики. Лето был популярен в Ландсрааде, Дом Атрейдесов пользовался немалым влиянием, несмотря на то что герцог владел только одной планетой. Многие аристократы Ландсраада были бы счастливы породниться с Домом Атрейдесов, а Полу уже четырнадцать...

Лето видел, как еще два корабля покинули лайнер Гильдии через гигантский люк в днище. Некоторые корабли были абсолютно непритязательны – вероятно, менее богатые гости Императора брали суда напрокат, – но на других горделиво красовались флаги и гербы Великих Домов Мутелли, Икаца, Боннера, Уарда и прочих.

Еще один корабль соскользнул в редкие облака, а следом за ним и яхта Атрейдесов отсоединилась от фиксатора. Заработали гравидвигатели. Лето ухватился за подлокотники кресла, когда яхта резко пошла вниз по орбитальному коридору к верхним слоям атмосферы.

Включился Арко.

– Ожидаются несколько рывков, милорд. На высокой орбите есть препятствия – думперы и брошенные тягачи. Системы Оторио сработают, последует ряд маневров, чтобы избежать столкновений.

Лето посмотрел в иллюминатор, увидел какие-то обломки, кружащие вокруг Оторио по бесконечным слепым орбитам.

– Удивительно, почему Шаддам их не убрал.

– Не успевали со строительством, сир. Осталось тяжелое оборудование и тягачи – все они пусты, как мне думается. Вероятно, и финансов не хватило...

– Шаддам, конечно, не мог отложить торжество до более разумной даты, – процедил Лето сквозь зубы, а затем произнес в микрофон: – Я полагаюсь на твое мастерство.

– Благодарю, милорд.

Герцогская яхта плавно обходила медленно качавшиеся предметы, загромождавшие посадочный коридор.

Из чрева лайнера продолжали выпадать корабли, в каждом из которых находились представители планет, коим вскоре предстояло рукоплескать новому императорскому комплексу. Герцогу Лето тоже придется отдать должное долгой истории свершений Дома Коррино. Он представится Императору и выполнит свой долг верноподданного.

– Постарайся сесть мягко, Арко, – сказал Лето пилоту, – и держи яхту готовой к взлету. Мне бы хотелось вернуться домой поскорее под каким-нибудь предлогом.

Всеми помыслами, всем сердцем он был дома, на Каладане, со своим народом.

Пилот, кажется, был несколько разочарован.

– У меня не будет времени купить подарок любимой и сувениры племянникам, милорд?

Лето улыбнулся, стараясь ободрить пилота. Наверняка все ожидавшие думали так же.

– Конечно, будет. Сомневаюсь, что Император намерен спешить.

Яхта плавно спускалась к планете, и Лето уже отчетливо видел строгий геометрический рисунок нового имперского музея Шаддама – многие квадратные километры громадных зданий, широких бульваров, дворцов и монументов – как будто кусок Кайтэйна выдрали с корнем и перенесли через Галактику на новое место.

Арко посадил яхту на приоритетную посадочную площадку, прилегавшую к новому Императорскому Монолиту. Шпиль был выполнен в виде узкого клина, расширявшегося кверху и покоившегося на мощной опоре центрального дворца. С высоты этот монумент выглядел как копьё, всаженное в сердце Оторио.

Пилот и весь экипаж были поражены величию открывшейся перед ними картины и теперь будут рассказывать о нем в тавернах Каладана до конца своих дней. Улыбнувшись, Лето выдал членам экипажа приличные суммы на покупку достойных сувениров и дал время на вылазку в город. Люди, восторженно благодаря своего герцога, покинули борт, а Лето предстояло заняться прямыми обязанностями.

Герцог вышел на трап, и в ту же секунду его буквально захлестнула какофония звука и света. Прибывавшие аристократы, одетые в роскошные одежды, увешанные немислимо дорогими украшениями и сопровождаемые огромными свитами, пытались казаться важнее, чем были на самом деле. Старавшиеся любой ценой быть замеченными, эти надутые, как индюки, и распираемые чувством собственного достоинства люди свысока смотрели на официальный, но непритязательный наряд Лето. Но ему не надо было доказывать свою важность и демонстрировать богатство.

Несмотря на то что он был герцогом Каладана, Лето сразу же смешался с толпой. Он часто проделывал то же самое и дома, наслаждаясь несколькими часами незаметности, возможностью неузнанным находиться среди своего народа. Теперь он, совершенно один, прогуливался среди бесчисленных фонтанов, статуй, обелисков и музейных экспонатов.

Чины имперской службы безопасности патрулировали улицы в своих алых с золотом мундирах, сопровождаемые устрашающими сардаукарами, солдатами личной гвардии Императора. Лето заинтересовался: сардаукары привлекались только в случаях самых важных торжеств. Присутствие здесь сардаукаров говорило о том, что Шаддам придает особую важность этому событию. На Кайтэйне столетиями действовала отлаженная система безопасности, а здесь ее только предстояло создать, так что эта демонстрация силы была как нельзя более уместна.

Лето уверенно шел по широким бульварам, вдоль которых извергали воду и необъятные струи пара многоярусные фонтаны; стеклянные призмы разлагали солнечный свет на ослепительные радуги. Огромные статуи прежних Императоров из Дома Коррино представляли их в облике красивых и доблестных воинов. На постаментах красовались отполированные таблички с перечислением свершений и достижений каждого Императора.

После окончания Батлерианского джихада – десять тысяч лет назад – Коррино, взявшие себе это имя в память о Битве при Коррине, правили Вселенной, став господствующей династией. Бывали междоусобицы, перевороты и временные переходы правления в руки других династий, но затем отпрыски Дома Коррино снова возвращали себе власть – путем браков с представителями правящих семейств, захвата власти в результате кровавых гражданских войн или путем административных махинаций. Построив этот мемориальный город, Шаддам IV наверняка заставит всех запомнить его и его предков.

Лето задрал голову и окинул взглядом трехметровую статую отца Шаддама, «мудрого и великодушного» Элруда IX. Нахмурившись, прочитал надпись на табличке. Он-то знал, что старый Элруд был злобным и мстительным деспотом, которого презирал даже сам Шаддам. Отец Лето, герцог Пол Атрейдес, во время Икацкого мятежа воевал на стороне Элруда, но бесчестные деяния вождя вызвали сильное возмущение старого герцога.

Лето шел по бесконечному мемориальному комплексу; глазам было больно от непомерной пышности; барабанные перепонки лопались от грома праздничной музыки. Вся толпа состояла из аристократов или высокопоставленных чиновников, лично получивших заветные приглашения на это грандиозное празднество. Можно было представить себе, что сказал бы старый герцог, доведись ему присутствовать здесь.

Через час, порядком устав от толпы и суеты, Лето принялся искать спокойное место, где можно было бы отдохнуть перед личной аудиенцией у Императора. Он обошел самую большую статую у подножия Императорского Монолита – прекрасную, похожую на мадонну, фигуру Серены Батлер с ребенком на руках – с младенцем-мучеником, гибель которого привела к страшной войне с мыслящими машинами. Статуя высилась за крепким, узловатым оливковым деревом, растущим среди плит площади. На прикрепленной к дереву табличке было написано, что оно – последнее дерево, сохранившееся от бывшей здесь некогда оливковой рощи. Но совсем недавно рощу вырубili, а место это замостили плитами.

Позади статуи Серены Лето заметил неприметный запасной вход в одно из зданий огромного музея. Исполинский монумент скрывал переплетение ничем не примечательных проулков и служебных входов. Уверенный, что его никто не видит, Лето скользнул под навес, в его благодатную тень. Ароматы синтетических ароматизаторов и искусственного тумана плазы сменились более привычной вонью мусора, пота работавших здесь людей и горячего отработанного пара тепловых генераторов.

Лето подошел к одной из дверей под навесом и обнаружил, что она заперта. Здесь он был один. Тень и тишина дышали покоем. Прислонившись спиной к стене дверной ниши, Лето

извлек из кармана плотно намотанную катушку шигафибра и портативный проигрыватель. Включив запись, он блаженно улыбнулся.

В воздухе появилось зыбкое изображение, быстро ставшее очень четким. Лето был счастлив увидеть прекрасную леди Джессику, его наложницу, возлюбленную, мать его сына. Джессика была одета в синее платье, а на шее ее красовалось жемчужное ожерелье – дар Каладанского моря. Длинные волосы бронзового оттенка были скреплены заколками и резными гребнями из морских раковин, подчеркивавших красоту зеленых глаз женщины.

Голос ее звучал для Лето небесной музыкой, особенно после назойливого шума музейного комплекса.

– Лето, ты говорил, что не станешь смотреть эту запись до прилета на Оторио. Ты выполнил свое обещание? – В голосе звучали задорные нотки.

– Да, выполнил, любовь моя, – негромко ответил он.

Чувственные губы Джессики тронула улыбка; грациозным жестом она поправила один из гребней. Она хорошо знала своего возлюбленного.

Одна из причин, по которой Джессика не сопровождала Лето во время этого визита, заключалась в том, что она – по политическим соображениям – была его наложницей, а не законной супругой. Несмотря на то что Лето был свободен и мог заключить брачный союз в любое время, он допускал, что, возможно, этого не произойдет никогда. Во всяком случае не после...

Он содрогнулся, вспомнив кровавую бойню, которой окончилась его свадьба с Илезой Икац. Сколько крови... сколько ненависти. Будучи аристократом Ландсраада, он был обязан открыто сообщать о своих намерениях, но для себя решил не принимать больше никаких брачных предложений. Надо было позаботиться о безопасности Джессики. Правда, она как сестра Бинэ Гессерит вполне могла и сама постоять за себя.

Голографическое изображение Джессики продолжало что-то говорить, но Лето были важны не сами слова, а голос. Любовь к ней была слабостью, которую нельзя было выказывать публично.

– Благополучного возвращения, – сказала она. – Каладан ждет тебя, как и я, мой герцог.

– О, моя леди, – тихо произнес Лето, улыбнувшись. Запись окончилась, и изображение растаяло в воздухе. Из этой записи он почерпнул силы, которые наверняка понадобятся ему в мире политических интриг и маневров.

Лето еще не успел выйти из тени навеса, как вдруг в узкий проход быстро вошел еще один человек. Он был одет в черно-серый рабочий комбинезон с инструментами на поясе; на плече человека болталась сумка. Понимая, что находится в неполюженном месте, Лето уже был готов извиниться, если бы человек поинтересовался, что он здесь делает, хотя рабочий едва ли осмелился бы бросить такой вызов аристократу.

Но незнакомец его не заметил. Он протиснулся в угол и, воровато оглядевшись по сторонам, сбросил с плеча сумку. Насторожившись, Лето решил не выходить из тени. Что-то было не так. Этот человек не был похож на усталого трудягу, пришедшего на тяжелую рабочую смену; было видно, что он старается не привлекать внимания.

Лето выключил проигрыватель, чтобы не начался повтор видеописьма Джессики.

Рабочий порывлся в кармане и достал тонкий кристаллический экран, к которому присоединил передающее устройство. Лето не видел подробностей того, что делал этот человек; было только понятно, что он развернул какое-то изображение – на экране высветилась орбитальная карта, покрытая кривыми линиями и светящимися красными и зелеными точками. Рабочий склонился над экраном и негромко заговорил в микрофон передатчика. Лето уловил лишь отдельные слова: «...активировать... системы... надо ждать».

Таинственный незнакомец коснулся угла тонкого экрана, и Лето увидел, что на дисплее появилось изображение выброшенных пассажирских капсул и думперов, болтавшихся на орбите. На больших темных корпусах внезапно замигали яркие вспышки.

Незнакомец выключил устройство и спрятал его в карман. Встревоженный Лето выступил из ниши.

– Эй ты, стой!

Рабочий опрометью бросился прочь, и Лето побежал за ним. Человек обогнул острый угол и свернул в один из узких проходов, проскользнул мимо составленных штабелями ящиков и нырнул под низкий навес. Один поворот, затем следующий – и незнакомец бросился в лабиринт проулков. Лето бежал за человеком, отбрасывая в стороны попадавшийся на пути хлам, стараясь не терять незнакомца из вида и громко крича. В конце концов он выбежал из лабиринта и снова оказался в шумном, заполненном толпами городе.

Из динамиков оглушительно гремела духовая музыка; яркий свет солнца Оторио ослепил Лето. Гомон толпы заглушил его крик. Ему показалось, что он увидел, как человек свернул влево и понесся дальше.

Лето не отставал, стараясь громким криком привлечь внимание, – он понимал, что толпа нашпигована сотрудниками службы безопасности, не говоря уже о сардаукарах, но хоть бы кто-то из них обратил на него внимание! Он поднял руку, надеясь, что его заметит патруль, но вокруг были лишь разодетые в пух и прах гуляющие.

Наконец стража обратила на Лето внимание. Это были одетые в красные с золотым шитьем мундиры императорские гвардейцы, сопровождавшие важное официальное лицо. Чиновник подошел к Лето.

– Герцог Каладана Лето Атрейдес, – громко произнес он, перекрывая голосом какофонию площади.

– Да, это я. – Лето обернулся к сановнику. – Мне надо сообщить...

Чиновник прервал его заученной улыбкой и поднял над головой украшенный драгоценными камнями цилиндр с письмом.

– Мы ищем вас с того самого момента, когда приземлилась ваша яхта. – Отвесив низкий поклон, чиновник протянул Лето цилиндр. – Это личное приглашение вы можете сохранить как память и показывать на Каладане молодым людям.

Затем человек важно откашлялся и провозгласил:

– Его сиятельное величество Падишах-Император Шаддам IV ожидает вас на личную аудиенцию в Императорском Монолите. Следуйте за мной. – Чиновник был явно удивлен отсутствием ответного воодушевления. – Сейчас.

* * *

История – это инструмент, коим должно пользоваться, оружие, коим должно владеть. Прошлое обязано служить нуждам Империи, в противном случае надо считать, что Император не исполнил свой долг.

Император Фондиль III, Охотник. Дополнение к императорским архивам Кайтэйна

Стоя на верхнем этаже Монолита, Шаддам IV, сцепив руки за спиной, словно старым выдержанным вином, упивался видом грандиозного комплекса Коррино. Наконец он обернулся к застывшему рядом с ним человеку с коварным лисьим лицом и, удовлетворенно улыбувшись, произнес:

– Люди отсюда выглядят совсем крошечными, Хасимир.

Граф Хасимир Фенринг вскинул свои выразительные брови и тоже обратил взгляд на живописные дворцы и монументы.

– Так вы любите смотреть на людей сверху вниз, м-м?

Фенринг говорил несколько в нос и каждое свое предложение заканчивал раздражающим носовым призывом.

Окно из плаза было прозрачным как воздух. Сверкающие на солнце длинные узкие корабли аристократов рядами стояли на поле, прилегавшем к центральному дворцу.

– Мне нравится наблюдать за моими подданными с порядочной дистанции. Это дает уникальное преимущество.

Шаддам еще раз окинул взглядом гигантские статуи своих предков из рода Коррино. Они выглядели как титаны, захватившие город. Когда-то по Империи ходили слухи о том, что Оторио станет местом, куда устремятся бесчисленные толпы путешественников. Армии туристов будут высаживаться здесь, чтобы выказать свое почтение и внести немало денег в казну планеты, а значит, в сундуки Коррино. Очень скоро Космическая Гильдия откроет прямое сообщение Оторио с Кайтэйном.

– Мы принесли цивилизацию в это захолустье, – сказал Император. Голова его закружилась от удовольствия, и он издал горловой звук, но оборвал его, осознав, что подражает Фенрингу. – Мы сделали великое дело.

Маленький и неприметный Фенринг обладал тем не менее скрытой силой и незаурядной проницательностью. Он был другом детства Императора, а теперь стал наиболее влиятельным советником во многих трудных и щекотливых вопросах. Официально Фенринг занимал одно из самых солидных положений в правительстве Шаддама: он был смотрителем имперской специи на Арракисе. Непривлекательный человек со специфическими чертами уродливого лица, граф компенсировал этот недостаток изысканными нарядами: гигантскими складчатыми брыжами, манжетами, украшенными синими драгоценными камнями. Его пальцы были унижены золотыми и платиновыми перстнями.

– Да, м-м, я рад, что смог заново открыть эту планету, сир, хотя до сих пор не понимаю, почему она так долго оставалась в тени забвения. – Ноздри Фенринга сузились, когда он, сопя, вдохнул. – Я и сейчас занимаюсь исследованием этого вопроса. Мне думается, что облик Оторио был намеренно искажен в исторических документах. Местные жители, правда, э-э, очень неохотно делились информацией. Либо они действительно ничего не знают о прежних правителях планеты, либо за всем этим стоит какой-то заговор.

Шаддаму, собственно, не было никакого дела до этого.

– Теперь уже неважно. Оторио навсегда войдет в историю как место Великого Музея Коррино.

По счастливому совпадению, один эксцентричный – а на самом деле испорченный – ментат Грикс Дардик случайно наткнулся на попавшее в несоответствующую рубрику старого императорского реестра упоминание о планете Оторио. Обитатели планеты не располагали даже принадлежавшим хотя бы к Малому Дому властителем, и потому она не была представлена в Ландсрааде. Жители не участвовали в большой политике Империи или переписях населения и на протяжении многих поколений не платили налогов в имперскую казну. Дардик доложил о своем открытии графу Фенрингу, единственному человеку, которому хватало терпения выносить присутствие несносного ментата, а уже Фенринг познакомил с этим открытием Шаддама. Одним росчерком своего императорского пера Шаддам аннексировал Оторио и выбрал планету местом своего великолепного музея.

Сверкая расшитой бриллиантами юбкой, камчатым корсажем и блузой, украшенной кроваво-красными полосами, в покои впорхнула новая Императрица Ариката. Она подошла к мужчинам и, проскользнув между ними, встала у окна.

– Шаддам, мой повелитель, – с придыханием произнесла она, одарив супруга ослепительной искренней улыбкой.

Ариката была шестой, последней супругой, на которой он очень быстро женился после смерти некрасивой и пресной Фиренцы Торвальд – посредственной Императрицы и отвратительной жены. Милейшая Ариката пока еще светила счастьем недавнего замужества, и Шаддам исполнял с ней свой супружеский долг намного чаще, чем навещал наложниц.

Полные губы Императрицы были подчеркнуты помадой темно-бордового цвета, зубы были ровными и прекрасными, как жемчуг.

– Ты не слишком гостеприимный хозяин, мой дорогой. Отойди от окна. Эти люди прибыли сюда по твоему повелению, чтобы лицеизреть тебя.

– Они прибыли, чтобы я посмотрел на них. – Он снова бросил взгляд на толпу, кишевшую далеко внизу, у дверей палаты приемов. – Отсюда мне очень удобно наблюдать за ними.

Фенринг сдавленно хихикнул.

– У Шаддама пунктик, дражайшая Императрица, но ведь и вы тоже не без греха, м-м? Сир, плести интриги и обсуждать тайные дела мы сможем в любое время. Может быть, сегодня стоит предоставить им возможность выказать свое почтение и обожание. Такое происходит не слишком часто, не так ли, м-м?

Шаддам недовольно нахмурился.

– Ты оскорбляешь меня, Хасимир, а это небезопасно.

– Человеку полезно иногда выслушивать правду – подчеркиваю, иногда. Я говорю искренне, и то только когда никто не может нас слышать.

– Я могу вас слышать, граф Фенринг, – сказала Императрица, мелодично усмехнувшись. – Но не тревожьтесь, я никому не скажу. Мы все здесь едины в том, чтобы служить благу Империи.

Это смелое заявление Ариказы немало удивило как Фенринга, так и Шаддама. Она и в самом деле была поразительной женщиной со своими иссиня-черными, как будто впитывавшими свет волосами, гладкой карамельного оттенка кожей и восхитительными глазами – черными, как гагат или обсидиан. Она составляла компанию Шаддаму, когда он этого хотел, но была достаточно мудра, чтобы не докучать Императору, когда он желал побыть в одиночестве. Фенринг внимательно присматривался к Ариказе и предупредил Шаддама, что она, возможно, всячески им манипулирует. Однажды граф заметил: «Она не просто играет на вас, как на музыкальном инструменте, она дирижирует вами, сир, словно симфоническим оркестром».

Шаддам почти не обращал внимания на эту озабоченность, считая себя выше всяких манипуляций. Еще бы ему жаловаться! Она доставляла ему такое удовольствие, когда касалась пальчиками его кожи, что все остальное просто не имело никакого значения.

И вот сейчас, во время торжественного действия, Императрица взяла Императора под руку, и Шаддам пошел вслед за супругой по огромной приемной зале, занимавшей весь верхний этаж Императорского Монолита. Ариката повела его в центр залы, словно хотела поставить Шаддама в центр всеобщего внимания.

Открылись металлические двери скоростного лифта, выплюнувшего из своего чрева толпу разодетых в пух и прах аристократов, наряды которых были украшены гербами Ландсраада. Только приглашенным на этот прием было дозволено подниматься сюда на лифте, который за считанные секунды взлетал с первого этажа к вершине Монолита.

Фенрингу, собственно, не было никакого дела до публичных церемоний, и Шаддам нисколько не был удивлен, заметив, что граф незаметно растворился в толпе гомонящих аристократов.

Гости с изумлением рассматривали впечатляющие экспонаты в стеклянных шкафах, а слуги сновали между гостями с подносами, уставленными напитками и изысканными деликатесами. При виде Императора лица аристократов светлели, загорались восхищением и рабо-

лепным почтением – выражения своих лиц они тренировали за несколько часов до аудиенции. Знать бросилась к Шаддаму, но Ариката остановила гостей, заставив подходить по очереди и одного за другим представляя их Императору. Каким-то непостижимым образом она помнила все имена и названия Домов. Шаддам одарил супругу благодарным взглядом, пораженный ее светскими талантами. Аристократы сияли от радости, довольные тем, что их знает по именам прекрасная новая Императрица – пусть даже и не сам Падишах-Император.

Вперед, источая физически ощутимую силу и уверенность, выступил офицер сардаукаров в отутюженной форме. Шаддам посмотрел в его сторону, обрадовавшись возможности отвлечься от докучной церемонии представлений.

– Вы что-то хотите доложить, полковник-баши Колона?

Офицер приблизился к Шаддаму и заговорил негромким, но очень отчетливым шепотом:

– Каждый гость был нами полностью проверен, мы сделали все, что в наших силах, сир. Можете не беспокоиться, вы в полной безопасности.

В городе было столько войск, а во дворце столько охраны, что Шаддаму даже не приходило в голову мысли о том, что здесь ему может угрожать какая-то опасность. Он жестом отпустил офицера и повернулся к следующему аристократу, подошедшему представиться и выказать глубочайшее уважение к царственной особе.

Этого человека Шаддам узнал без всяких представлений Императрицы.

– А, эрцгерцог Арманд Икац! – Он протянул ладонь, но вовремя остановился и опустил ее, увидев пустой рукав, приколотый к мундиру булавкой. Эрцгерцог потерял руку в результате кровавого покушения, совершенного на неудачной свадьбе его дочери с герцогом Лето Атрейдесом. – Надеюсь, минувший год был мирным и плодотворным? Кажется, действительно прошел уже год... – Император не мог отвести взгляда от пустого рукава.

– Прошел год, месяц и несколько дней, сир, – сказал эрцгерцог, сильно постаревший за то время, что прошло после его последней встречи с Шаддамом.

Император откашлялся и попытался говорить увереннее.

– Да, это было тягчайшее преступление, но все проблемы с Грумманом теперь позади. Мы не пригласили сюда даже отдаленных родственников Дома Моритани.

– Дома Моритани больше нет, сир. Об этом позаботились, – сказал эрцгерцог. – Я благодарю вас лично и Империю за то, что их планета была пожалована мне как ленное владение, хотя она не приносит ничего, кроме расходов на ее содержание.

Шаддам щелкнул языком.

– Любая новая планета добавляет Дому Икац веса в Ландсрааде, разве нет?

– Да, сир, – согласился эрцгерцог, не сумев вполне скрыть недовольство. – Примите мою глубочайшую благодарность.

Шаддам видел, что другие аристократы, стоявшие в нескольких шагах от них, нетерпеливо ожидают своей очереди. Надо было продолжить церемонию.

– Мы подыщем какую-нибудь неиспользуемую планету, чтобы передать ее под ваше управление. В моей Империи миллионы миров, и многие из них были незаслуженно забыты. – Он обвел зал широким жестом. – Вот, например, как Оторио. У местного населения много столетий не было царствующего благородного Дома. Если существуют подобные планеты, то такой дворянин, как вы, сможет с пользой принять ее под свое покровительство ради блага Империи.

Икац поклонился, но без улыбки.

– Кодекс гласит, что аристократ обязан служить, прежде всего, Ландсрааду и Империи.

С этими словами он отошел в сторону, и Шаддам почувствовал, что эта встреча его разочаровала. Любой другой аристократ был бы вне себя от радости, получив новую планету. Вероятно, надо будет поискать более покладистого человека.

Аристократы один за другим подходили к Шаддаму, и он долго терпел этот неиссякаемый поток – дневной свет сменился пестрой радугой заката. Скоростной лифт доставил еще одну группу глав благородных Домов, потом еще одну...

Вернувшийся граф Фенринг смешался с толпой, войдя в нее, словно нож в масло. Встретившись взглядом с Шаддамом, граф сделал едва заметный тайный знак рукой – этим языком они начали пользоваться давно, еще в детстве. Знак говорил о том, что Фенринг хочет сказать Императору нечто очень важное.

– Простите, – извинился Шаддам перед подошедшим аристократом. – Я сейчас вернусь. Неотложные государственные дела требуют моего внимания.

Он скользнул к графу, и они нашли место, где можно было поговорить без помех.

– Изучив список прибывших, я с изумлением обнаружил нескольких недостающих гостей, – негромко произнес Фенринг. – Президент КАНИКТ Франкос Ару публично принял ваше приглашение, но, насколько я знаю, он до сих пор находится в Серебряной Игле на Кайт-эйне. – Он изогнул белесую бровь. – Его мать, ур-директор Малина Ару, вообще не откликнулась на приглашение. В связи с событием такого масштаба мы ожидали, что она, вопреки обыкновению, появится публично – в интересах, по крайней мере, КАНИКТ, даже если нет иных поводов.

Компания КАНИКТ являлась гигантской монополией, сосредоточившей в своих руках всю торговлю Империи. Компания заключала свои сделки, как правило, тайно, незаметно, и большинство людей в Империи просто не представляли себе степень влияния и могущества КАНИКТ.

Шаддам беспечно отмахнулся от тревоги Фенринга.

– Исторические спектакли, как этот, не интересуют КАНИКТ. Здесь все хотят, чтобы их увидели и отметили, а ты ведь знаешь, что КАНИКТ всегда предпочитает оставаться в тени.

Фенринг нехотя согласился и почесал подбородок длинным пальцем.

– После повторного открытия Оторио я копнул глубже и обнаружил ниточки, привязанные к другим ниточкам, которыми приводится в движение вся эта запутанная и насквозь фальшивая паутина. У меня есть подозрение, х-мм-а, что эта планета, на которой мы сейчас находимся, была недаром вычеркнута из всех реестров; ее намеренно хотели спрятать от вас и от многих Императоров, которые были до вас. Вероятно, это сделали люди, так или иначе связанные с КАНИКТ.

Кровь бросилась Шаддаму в лицо.

– С КАНИКТ связано в Империи абсолютно все. Теперь Оторио принадлежит мне, и, если кто-то хочет что-либо возразить, милости прошу. Я сам поговорю с ур-директором, если, конечно, у нее хватит смелости предстать передо мной.

Император заметил, что самые нетерпеливые из аристократов пытаются подслушать разговор.

Шаддам сделал Фенрингу знак замолчать и некоторое время наблюдал, как Императрица доблестно пытается отвлечь гостей.

– Позволь мне пока наслаждаться моментом, Хасимир. Сложностями и политическими неприятностями мы займемся позже. – Он повернулся к толпе, раскинул руки и тихо произнес: – Мне надо поприветствовать этих льстецов и дать им то, чего они хотят.

Фенринг еще сильнее понизил голос:

– Не считайте их всех льстецами, сир. На некоторых стоит обратить внимание... как на врагов или потенциальных союзников.

Покрытая тончайшей гравировкой дверь лифта снова открылась. Первый вышедший из кабины человек был одет в черно-зеленую накидку с ястребом на груди. Взгляд его серых глаз встретился с взглядом Императора. Аристократ кивнул в знак приветствия. Шаддам хорошо знал этого человека.

То был герцог Лето Атрейдес.

* * *

*Способность выживать – это способность противостоять
неожиданным опасностям и преодолевать их.
Аксиома Бинэ Гессерит*

Барон Владимир Харконнен никогда не считал себя толстяком, хотя другие за глаза называли его именно так – им бы не поздоровилось, узнай он об этом. Он был действительно огромен, и вся его фигура дышала исполинской силой.

Манеры и репутация барона внушали людям безотчетный страх. Когда он шел по залу или коридору, опираясь на свои гравипоплавки, все старались уступить ему дорогу, даже высокопоставленные сановники других благородных Домов. Кто знает, может быть, в один прекрасный день, если сложатся благоприятные обстоятельства, род Харконненов займет престол Золотого Льва. Когда-нибудь.

Конечно, из числа кандидатов надо вычеркнуть его грубого и неотесанного племянника Глоссу Раббана. Нет-нет, это просто немыслимо. Однако младший брат Раббана, Фейд-Раута... Он такой милый мальчик. Ему, пожалуй, императорская мантия будет вполне к лицу.

Барон размышлял об этом, готовясь к отлету с Арракиса на празднество, устроенное Шаддамом на какой-то захолустной планете. Будет неплохо лишний раз показаться Императору.

Надев гравипояс, барон с неуклюжей грацией шагнул в пыльный туннель, проложенный под Карфагом, и направился по этому тайному ходу в космопорт. О его отъезде не было объявлено публично, и барон надеялся, что его никто не остановит. До получения этого претенциозного приглашения барон не имел ни малейшего понятия о планете Оторио.

Одетые в хаки гвардейцы трусцой бежали впереди, рядом и сзади держались личные слуги. Члены свиты тащили чемоданы с одеждой барона. Покинув замок Харконнен в укрепленном центре столицы, барон сядет в челнок, который доставит его на ожидавший на орбите лайнер Гильдии.

Барон был одет в длинную черную шинель с синим грифоном на лацкане – гербом Дома Харконненов. Под шинелью работала встроенная вентиляция, обдувавшая тело приятными прохладными струями воздуха. Харконнен отер с мясистого лица пот, смешанный с песчаной пылью, с нетерпением ожидая того момента, когда окажется в комфортной каюте.

Аборигены называли эту пустынную планету Дюной. То было слишком неубедительное название, однако сами они произносили это слово так, будто в нем крылся какой-то духовный или мистический смысл. Сам барон предпочитал официальное имперское название – Арракис. Оно звучало более четко и уместно, обозначая предмет, который надо было познать умом и контролировать. Арракис был негостеприимным местом, грязным и пыльным, в отличие от сладостного ароматного мира родной планеты Харконненов – Гайеди Прим. Однако, будучи единственным источником жизненно необходимого меланжа, Арракис являлся чрезвычайно доходным файфом, и барон терпел неудобства, лишь постоянно напоминая себе, сколько соляриев приносит планета в казну Харконненов.

Угодливый слуга распылял перед Харконненом влажное облако аэрозоля, чтобы хозяину было легче идти по освещенному туннелю. Барон всей грудью вдохнул влажный воздух, сделал слуге знак добавить влаги. Освежившись, он последовал дальше, а слуга продолжил то и дело менять баллончики с аэрозолем, чтобы помочь барону свободно дышать. Казалось, этот тайный подземный ход бесконечен, но, по крайней мере, он давал возможность сохранить отъезд в секрете.

Наконец туннель начал полого подниматься вверх, чтобы закончиться двойными дверями. У Космической Гильдии были очень жесткие правила, и барону не хотелось, чтобы лайнер улетел без него.

Прежде чем выйти на открытый воздух, барон сделал глоток живительной воды из трубки, прикрепленной к шинели. Свита подхватила Харконнена под руки и бегом понесла его к кораблю, чтобы скорее миновать узкую полосу раскаленной беспощадным солнцем бетонной площадки. Доставив барона в роскошную каюту, слуги сняли с него верхнюю одежду, и он наконец смог расслабиться, наслаждаясь прохладой.

В дверях показался Раббан, заполнив своим гигантским телом весь проход.

– Мы готовы к взлету, милорд барон. Сегодня я поведу корабль. – Племянник очень гордился этим своим умением.

– Поторопись, Падишах-Император ждет.

Великан быстро отвернулся, чтобы скрыть, как вспыхнуло его лицо, и направился в пилотскую кабину.

Подойдя к рубке, Раббан взмахнул рукой перед сканером, чтобы открыть дверь кабины. На панели засветился оранжевый сигнал, запрещающий вход, и дверь осталась закрытой.

К своему ужасу, Раббан вдруг почувствовал, что палуба под его ногами завибрировала – заработали двигатели. Судно было готово взлететь! Он забарабанил по двери своими огромными кулаками и всем телом налег на нее. Металл заскрежетал, но дверь не поддавалась.

Услышав грохот, двое охранников прибежали на помощь. В этот момент судно уже оторвалось от земли и взмыло в воздух, оставив Карфаг внизу. Рослые солдаты, вооружившись тесаками и защитными поясами, вместе налегли на дверь и в конце концов смогли сдвинуть с места воздвигнутую внутри баррикаду. Дверь с грохотом распахнулась.

Раббан едва не задохнулся от неожиданности, увидев открывшееся его взору зрелище. Несколько пустынных жителей в своих пыльных коричневых одеждах находились в рубке. Численное превосходство было на их стороне. Над панелью управления колдовала сухошавая женщина, исполнявшая роль пилота. Она метнула взгляд на Раббана и что-то крикнула товарищам на своем варварском языке. Как же не похожи были эти люди на покорных жителей Карфага. В их синих глазах горел яростный огонь; они были тверды и непоколебимы – такими сделала их жизнь в жестокой пустыне. Кто они? Местные добытки специи? Может быть, это таинственные фримены?

Смуглый человек, сжимая в руке кривой нож, бросился на Раббана. Он ударил, но промахнулся – Раббан успел уклониться от удара и стремительным движением активировать защитное поле. На Раббана бросились другие пустынные бойцы с ножами в одной руке и старинными примитивными пистолетами-маула в другой. Охрана тоже обнажила оружие, приготовившись к бою.

Один из нападавших выстрелил, но пуля отскочила от защитного поля. Пали четыре бойца, защищавших подход к панели управления, но были убиты и оба охранника Раббана – каждый получил рану отравленным дротиком в шею. Дротики летели медленно, и защитное поле не могло задерживать их. Пол рубки был усеян трупами. Раббан с великим трудом избежал участи охранников, успев присесть, когда отлетевший от консоли дротик едва не поразил его.

Прежде чем нападавшие успели перезарядить оружие, Раббан выскочил из рубки и захлопнул за собой дверь. Корабль, вибрируя всем корпусом, с грохотом набирал высоту.

Раббан позвал охрану, но никто не пришел. Он посмотрел в иллюминатор и увидел, что судно, развернувшись и постепенно ускоряясь, устремилось в пустыню, а не к лайнеру на орбите.

Раббан слышал, как в пассажирском отсеке бушует его дядя, требуя ответа. Но племяннику было сейчас не до него.

Корабль внезапно сделал крутой вираж и устремился в противоположном направлении, теперь прямо к городу. У Раббана перехватило дыхание, когда он понял, что задумали эти пустынные дикари. Они хотели направить судно на Карфаг, может быть, даже, на резиденцию Харконненов, а наземные службы не осмелятся открыть огонь, так как понимают, что на борту находится барон.

Засветился настенный экран, на котором появилось изображение барона. По лбу текла кровь, заливая темные глаза. Барон держался за руку, неестественно повисшую, – очевидно, она была сломана.

– Что происходит? Мне нужна медицинская помощь!

По коридору на помощь Раббану бежали пятеро охранников. Увидев поврежденную дверь, они ускорились. Все вместе они снова навалились на нее и наконец распахнули. Теперь, получив подкрепление, Раббан ворвался в рубку первым. Надо было овладеть панелью управления и выправить курс. Они обнажили клинки. Раббан зарубил одного из повстанцев, потом второго – их тела тяжело повалились на пол.

В живых остались трое противников, продолжавших работать с консолью. Одновременно они стреляли из своих никуда не годных пистолетов, почти не целясь. Несмотря на защитное поле, от которого отскакивали пули, им удалось повредить панель управления. Охранники пошли в атаку, в то время как женщина-пилот продолжала направлять судно на высокие здания города. Когда у мятежников закончились боеприпасы, они стали драться ножами.

Раббан, проворно переступая через тела и уклоняясь от ударов, старался держаться за охранниками. В нескольких сантиметрах от его головы просвистел брошенный кинжал. Погибли еще двое телохранителей.

Казалось, запас ножей у мятежников был неисчерпаем, они то и дело извлекали их из складок своих балахонов, но у Раббана и его уцелевших охранников оставалось преимущество в силе и защитные поля, и очень скоро все мятежники были убиты. Тела их устилали рубку среди искореженных консолей.

Женщина-пилот лежала на панели управления, из ее рта густой струей текла кровь. Она была еще жива, глаза ее горели фанатичным огнем – она продолжала вести судно в смертельное пике.

Раббан выстрелил, из раны брызнула кровь, заливая иллюминатор. Рев двигателей стал тише, шаттл замедлился, но продолжал опускаться на город.

Раббан, скользя по крови, покрывавшей пол рубки, пробрался к панели управления. Он взялся за рычаги, намереваясь выправить курс. Одно из устройств вспыхнуло вольтовой дугой и зашипело. Пули повредили многие органы управления. Несмотря на все усилия Раббана, корабль отказывался ему повиноваться. Высокие здания Карфага продолжали приближаться.

Время... хватит ли нам времени? Он осыпал консоль управления грубыми ругательствами, пытаясь стереть рукавом кровь женщины с панели. В конце концов ему удалось активировать вспомогательные системы, чтобы с их помощью заставить судно набрать высоту. Раббан изменил курс и направился прочь от центра города. Из смертоносного пике корабль вышел всего в нескольких метрах от земли; с натужным ревом он понесся к космопорту.

Судно плохо повиновалось, но Раббан все же вел его к посадочной площадке – надо было во что бы то ни стало спасти барона.

Порыв ветра ударил в борт, и Раббан с великим трудом посадил шаттл на твердое покрытие взлетно-посадочной площадки. Корабль проехался по бетону, поднимая облака пыли и песка, резко качнулся из стороны в сторону и застыл. Теперь Раббан слышал лишь оглушительный шум в ушах и ощущал бешеное биение собственного сердца.

В рубку ввалился барон с перекошенным от ярости лицом. Кровь продолжала течь из раны на лбу, заливая глаза, и барон страдальчески морщился от боли в распухшем запястье.

Следом за бароном в рубку ворвались телохранители с оружием наизготовку. Правда, вся эта воинственность была уже лишней – мятежники были мертвы.

– Все в порядке, дядя, я справился, – сказал Раббан.

Барон с ненавистью покосился на гору трупов. Один из мятежников дернулся, и барон, почти невесомый благодаря гравипоплавкам, склонился над человеком и перерезал ему горло кинжалом, зажатым в здоровой руке.

Раббан закончил посадку и выключил продолжавший мигать сигнал тревоги, а потом, сияя, обернулся к барону.

– Я здорово сработал, дядя, разве нет?

Харконнен, однако, отнюдь не собирался расточать комплименты.

– Я ранен, многие мои телохранители убиты, а мой шаттл разбит. Как мне теперь успеть на лайнер?

Раздосадованный отсутствием похвалы, Раббан изо всех сил пнул мертвую женщину-пилота в живот. Труп откатился к переборке, и Раббану стало немного легче.

Капитан гвардии засунул пистолет в кобуру, а кинжал – в ножны. Его била дрожь, на лбу выступил пот – из животного страха перед бароном. Внезапно тот молниеносным движением выкинул вперед руку и вонзил кинжал в горло капитана. Военный повалился на пол, словно тряпичная кукла, а остальные оцепенели, боясь поднять глаза на барона.

– Тебе крупно повезло, что я решил казнить кого-то другого, племянник!

Барон фыркнул, и этот звук сказал Раббану, что он прощен – во всяком случае, отчасти.

Барон тронул рукой запекающуюся на лбу кровь и крикнул остальным гвардейцам:

– Вон! Все вон! Вызывайте транспорт, мне надо вернуться в резиденцию!

Гвардейцы опрометью бросились выполнять приказ.

Барон закатил глаза, но гравипоплавки не дали ему упасть.

– Теперь я не смогу попасть на празднество Шаддама на Оторио.

Раббан сохранял бдительность.

– Может быть, я пошлю официальное сообщение Императору?

– Нет, ты не пошлешь. Я найду человека, которые сделают это лучше. Нам не стоит извещать его о том, что нас едва не убила горстка пустынных крыс. – Раббан видел, что дядя продолжает срывать на нем свою злость. – Ты должен был удостовериться в полной безопасности до моего появления на корабле. Ты этого не сделал, и это твоя вина, Раббан.

– Но я спас вас, я спас нас обоих!

Барон Харконнен устало вздохнул.

– Ты действительно умеешь убивать и драться, у тебя талант применять грубую силу, но это уместно только в тех ситуациях, когда тебя загоняют в угол. Ты должен научиться продумывать свои действия на несколько ходов вперед и быть последовательным. Учись играть в стратегические игры, а не просто проламывать головы дубиной! – Вымазанное кровью лицо барона стало холодно-расчетливым. – Умеешь ли ты играть в пирамидальные шахматы?

Раббан покачал головой.

– Это очень сложная игра, а жизнь превосходит ее сложностью. Играя, ты научишься предвосхищать события, учитывать их последствия и избегать ловушек.

– Я научусь, дядя, клянусь вам! – Раббан начал понимать, насколько важно то, что говорил сейчас барон.

Повинуясь внезапной перемене настроения, барон добродушно положил здоровую руку на плечо племянника.

– Не знаю, можно ли научить всем этим премудростям такого, как ты.

Раббан попытался сохранить серьезность и смириться с оскорблением.

– Я поумнею, обещаю вам.

Барон, как будто обращаясь к каменной стене, прорычал:

– Так, а теперь спустись с небес на пустынный щебень. Это у тебя получится. – Он помолчал и добавил: – И вызови мне врача!

* * *

Говорят, что удовлетворенность своим положением приводит к отсутствию притязаний. С другой стороны, я не раз видел, как притязания становятся раковой опухолью, разъедающей человека изнутри. Истинный лидер должен уметь находить точку равновесия.

Герцог Лето Атрейдес. Из писем сыну Полу

Оказавшись в переполненной приемной зале Императорского Монолита, Лето ощутил себя бойцовым зверем, выпущенным на арену, но такие битвы были не в его вкусе.

Его мать Елена научила его искусству придворного успеха, ибо ее притязания были весьма высоки. Лето остановился, чтобы полюбоваться пестрым водоворотом гостей и вдохнуть запахи изысканных кушаний. Отец герцога обожал такие мероприятия и часто устраивал на Каладане роскошные пиры, зрелищные бои быков, в одном из которых он в конце концов и погиб. Эта трагедия сделала Лето герцогом, когда он был чуть старше, чем сейчас Пол...

Он встретился взглядом с Шаддамом и выступил вперед из толпы высыпавших из лифта аристократов. Каждый из них хотел первым представиться Императору, но что-то в этом герцоге заставило уступить первенство именно ему.

Лето отвесил Шаддаму церемониальный поклон, и Император поприветствовал его в ответ.

– Герцог Лето Атрейдес, cher cousin. Для меня очень важно, что вы здесь. Подчас бывает трудно вытащить вас с Каладана.¹

– Я отдаю все силы моей планете и народу, сир... и только во имя Империи. Я горжусь тем, что принадлежу к Дому Атрейдесов. – Он решился на похвалу: – Ваш новый музейный комплекс – это самое впечатляющее зрелище из всех, что мне приходилось когда-либо видеть. За один визит осмотреть и понять все это немыслимо.

– Это значит, что вам следует еще и еще раз побывать на Оторио, – ответил Шаддам. – Тогда вы сможете в полной мере оценить величие наследия Коррино.

Лето почувствовал, что его все же вовлекли в придворную игру, но постарался сделать так, чтобы не выглядеть заурядным льстецом.

– Благодарю вас за все, что вы для меня сделали, сир. Дом Атрейдесов стал намного сильнее благодаря вашему великодушию.

Шаддам изобразил притворную скромность.

– Прошло так много лет после того прискорбного нападения на корабль тлейлаксу на борту лайнера Гильдии и конфискационного суда.

– Суда, который я выиграл.

– Вы были полностью оправданы, это так. Честно говоря, я и в тот момент не верил в справедливость обвинений. Подобные изменнические действия не в духе Дома Атрейдесов, и я очень доволен, что с тех пор вы правили планетой с достойной уравновешенностью и без потрясений.

Подошел граф Фенринг и холодно кивнул герцогу. У него были свои счета с Лето.

– Ваши дела идут хорошо после того несчастья, хм-м? Ну если не считать некоторых неурядиц между Икацем и Грумманом в войне ассасинов. Хм-м-ах. Такие неприятности могут плохо отразиться на вашем положении в Ландсрааде. – Он вел себя как учитель, журиющий

¹ Дорогой кузен (фр.).

нерадивого ученика. – Вы обладаете большим потенциалом, герцог Атрейдес. Я, эх-х-х-м, давно слежу за вами.

Другие аристократы с нетерпением ждали своей очереди, но Лето посчитал необходимым заявить о подозрительном человеке с передатчиком, которого он видел на улице. Он обратился к Императору:

– Сир, мне пришлось стать свидетелем некоего происшествия. Возможно, это важно, хотя я могу и ошибиться.

Шаддам уже обратил взор на толпу нетерпеливых визитеров, и Фенринг ненавязчиво, но твердо отвел Лето в сторону.

– Если вы хотите попросить Императора о каких-либо привилегиях, то сейчас не время. Я могу посоветовать...

Лето покачал головой.

– Я не собираюсь ни о чем просить, я хочу сообщить о вещи, которая не на шутку меня встревожила. Мы с вами оба, граф Фенринг, сталкивались с изменой и наемными убийцами. Бдительность никогда не бывает лишней.

Он вкратце рассказал графу о том, что увидел.

Фенринг щелкнул пальцами сардаукару, стоявшему поблизости неподвижно, как статуя.

– Полковник-баши, послушайте, что вам скажет герцог Атрейдес. Это может потребовать расследования.

Взгляд сардаукара был таким напряженным, словно он пытался слой за слоєм содрать с Лето кожу, пока выслушивал его историю. Когда герцог закончил свой рассказ, баши, помолчав, произнес:

– Как я понимаю, у вас нет никаких причин лгать или сеять панику, герцог Лето Атрейдес. Я расследую этот инцидент.

Коротко кивнув, полковник зашагал прочь.

Положившись на добросовестность сардаукара, Лето успокоился и принялся наблюдать толпу. Приемная зала была уставлена голографическими стендами с экспонатами, относительно которых голосовые гиды давали самые подробные исторические сведения: накидка Императора Хассика II; плеть Ильнода, которой он свободно пользовался все время своего двухнедельного царствования; украшенная камнями тиара первой жены Шаддама, леди Анирул. Лето был хорошо знаком с ней, ибо именно Анирул вызвала Джессику на Кайтэйн на последнем месяце ее беременности Полом.

Джессика обладала столь многими драгоценными навыками сестры Бинэ Гессерит, что все они просто не могли уместиться в голове Лето. Герцог знал только одно: он любил Джессику и верил в ее взаимную любовь. Они были вместе уже почти двадцать лет, и она принимала свою роль официальной наложницы, а не законной супруги. Таков выбор Империи – не Лето.

– Она была сестрой Бинэ Гессерит и хорошо послужила Ордену, – произнес женский голос рядом с Лето. – Я имею в виду леди Анирул.

Лето повернул голову, увидел старуху в неприметной черной одежде и нахмурился.

– Я вижу, Император нигде не расстается со своими Вещающими Истину.

– На таких мероприятиях, как это, сама атмосфера сгущается от лжи так, что может задушить любого. – С этими словами Преподобная Мать Мохайем окинула Лето странным взглядом, и герцогу показалось, что она смотрит на него сквозь стену из сокровенного знания о всей его жизни.

Лето, мягко говоря, недолюбливал эту старую ведьму. Он хорошо помнил, как она представляла ему юную Джессику и настояла на том, что он должен принять ее в качестве наложницы. За это он терпеть не мог Мохайем, хотя, надо сказать правду, Джессика сумела растопить его сердце. Тем не менее он все равно не доверял Бинэ Гессерит и их тайным планам.

– Как себя чувствует Джессика? – продолжила Мохайем. Старая карга из Бинэ Гессерит действительно могла читать мысли по малейшим нюансам выражения глаз и лица. Впрочем, Джессика тоже в совершенстве владела этим навыком.

– Она прекрасно чувствует себя на Каладане.

– Естественно, она не пожелала лететь на Оторио. Наложница знает свое место, а сестра Ордена тем более понимает такие простые истины. Мы сделали правильный выбор, направив ее к вам. – Мохайем шумно потянула воздух носом и сменила тему: – Как дела у вашего сына? – Голос ее сочился ядом, что заставило Лето насторожиться.

– Мой сын... – заговорил Лето, но тут же уточнил: – Мой наследник преуспевает во всех сферах. Очень скоро я начну учить его важнейшим имперским обязанностям.

– Таким, как эта?

– Да, таким, как эта. Император пригласил меня посещать Оторио, и, возможно, в следующий раз я привезу с собой Пола, чтобы и он познакомился с музейным комплексом.

Она пробуравила Лето пронизательным взглядом.

– Скоро он вступит в брачный возраст. Орден сестер может оказать свою помощь.

Лето насторожился, но ответил уклончиво:

– Мне нет нужды вовлекать сестер в мои семейные дела.

Улыбка Мохайем казалась не более теплой, чем ледяная полярная шапка.

– Но в благородных Домах все семейные дела важны для Империи.

Лето окинул Мохайем тяжелым взглядом; шум вокруг усилился.

– Мой отец учил меня, что первой обязанностью герцога является безопасность его народа. Я, прежде всего, герцог Каладана.

Увидев в толпе знакомое лицо эрцгерцога Икаца, Лето воспользовался этим как предлогом, чтобы покинуть общество ледяной Преподобной Матери Мохайем. Он извинился и направился к эрцгерцогу, подавляя раздражение, которое вызывала у него эта старуха своим неумным любопытством.

Арманд Икац в обществе четырех других аристократов, с которыми он увлеченно о чем-то беседовал, стоял возле стенда с золотым императорским кинжалом, принадлежавшим Файкану Батлеру, участнику Битвы при Коррине. Происхождение этого кинжала оставалось неясным, но Шаддам тем не менее сделал его главным предметом экспозиции.

Лето остановился и прислушался к приглушенным голосам этих людей.

– ...Содружество благородных.

Похожий на птицу человек с густыми пышными усами насмешливо произнес:

– О развале Империи болтают уже не первое столетие, но Империя стоит себе как ни в чем не бывало.

– Что ты говоришь, Атикк? Тебе не кажется, что твои владения будут процветать лучше, если ты будешь править независимо? Или тебе нравится платить десятину и прочие налоги на такие смехотворные «нужды», как этот грандиозный музей? – Гости сдвинулись еще теснее.

Заговорил Арманд Икац:

– Этот музей показывает, чего Коррино добились за десять тысяч лет. – Он окинул взглядом экспозицию. – Надо сказать, немногого.

Первый из говоривших, лорд Атикк, пробормотал:

– Никто не сможет разрушить Империю. Она навсегда останется, чтобы служить темой скучных сплетен.

Один из собеседников увидел Лето и дал знак остальным. Все немедленно прекратили разговор. Лицо Икаца засветилось радостной улыбкой.

– Лето Атрейдес! Старый дружище!

Эрцгерцог представил Лето своим собеседникам, которые почувствовали себя неловко. Лето, переваривая услышанное, хранил на лице совершенно бесстрастное выражение. Слухи

о Содружестве благородных казались маловероятными, особенно здесь, в эпицентре торжества мощи десятилетиями Империи.

Лето без улыбки произнес:

– Я прибыл сюда, чтобы насладиться славой Падишах-Императора.

Атикк фыркнул, окинув Лето презрительно-оценивающим взглядом.

– Вот как? А не для того ли, чтобы расширить рынок сбыта каладанских наркотиков?

Другой аристократ судорожно выдохнул от удивления. Лето нахмурился.

– Каладанских наркотиков?

Атикк вспыхнул и отвернулся.

Не дав герцогу договорить, Арманд обнял его единственной рукой. Было видно, что он искренне рад встрече.

– Ты заставляешь вспомнить о страшных событиях, но мы с тобой оба испытали боль, которую трудно понять другим. Надеюсь, у тебя все хорошо.

Лето внутренне содрогнулся, вспомнив Илезу Икац в свадебном платье, разорванную на куски, мертвую, на полу во время церемонии бракосочетания. Он сердечно обнял старого друга, не обращая внимания на остальных.

– У меня все хорошо. – Лето изо всех сил старался не упомянуть случайно Джессику, но добавил: – Моему сыну Полу уже четырнадцать, и я могу им только гордиться. Из него выйдет превосходный правитель.

– Четырнадцать? – спросил один из аристократов, граф Диново. – Если вашему сыну четырнадцать, то вам уже стоит присматривать для него подходящую партию. Пора. Моей дочери ровно столько же... – Он улыбнулся Лето, не закончив фразы.

Лето был и так раздражен замечаниями Мохайем на этот счет, а потому ответил коротко:

– Для отца это всегда рано. – Он окинул взглядом собравшихся здесь благороднейших людей Империи – не только из кружка Икаца, но и остальных. Неужели весь Ландсраад с таким же вожелением смотрит на его сына – как на кусок свежего мяса?

Лорд Атикк насмешливо фыркнул:

– Надо просто пошире раскинуть сеть, Атрейдес. Каладан – это всего лишь одна из заурядных планет. Многие другие аристократы предпочтут отдать своих дочерей в Дом, владеющий, ну, скажем... более престижной планетой.

Лето ошетинился:

– Дочери с такими убогими притязаниями не равня моему сыну.

Арманд приблизился к Лето, словно желая заслонить его от нападок.

– Когда моя дочь была жива, я считал Дом Атрейдесов более чем приемлемым для ее брачного союза.

Эти слова положили конец неприятному разговору. Все знали, о чем без слов говорит пустой рукав Арманда Икаца.

Лето отошел в сторону, покинув собеседников и понимая, что это блистательное благородное собрание полно политических ловушек.

* * *

Не слишком стремись получить чужое внимание. Тайное, скрытое влияние – это намного более мощное орудие власти, нежели откровенная и хвастливая демонстрация богатства и могущества. Терпение – вот единственная ценная валюта.

Малина Ару, ур-директор КАНИКТ. Из письма детям

Под ногами то и дело ощущались едва заметные подземные толчки, но в целом планета была сейсмически спокойна. Серая пелена дыма стелилась в воздухе, а реки лавы с вершин далеких вулканов отбрасывали алый отсвет на темнеющее небо.

Планета Тупайл была тайным средоточием деятельности КАНИКТ с давних, очень давних времен, но оставалась никому не известной. Она не была отмечена ни на одной имперской карте; отсутствовали упоминания о ней и в бортовых журналах кораблей Космической Гильдии. Несколько планет – таких же тайных убежищ – носили одно и то же закодированное название, и ур-директор Малина Ару считала, что это только повышает эффективность маскировки.

Сыну Ару, Яксону, напротив, не было абсолютно никакого дела ни до безопасности, ни до секретности. В те беспокойные и тревожные месяцы, что он жил с Малиной на Тупайле, он, вопреки всякой логике, пытался противостоять уничтожению их семейного поместья на далекой планете Оторио. Яксону скоро предстояло покинуть надежное убежище Тупайла, хотя Ару изо всех сил отговаривала его от этого опрометчивого шага.

Малина возлагала большие надежды на своего младшего сына, используя все влияние и гигантские ресурсы КАНИКТ, – лишь бы только он сам не помешал осуществлению великого плана. Увы, у Малины имелись большие сомнения на этот счет. У молодого человека были способности, был характер, было стремление, но не было самого главного – терпения.

Она стояла на открытой веранде в полном одиночестве. Едкий дым вулканов жег ее покрасневшие карие глаза. Волосы Малины были стильно, но коротко, по-деловому, подстрижены – без завитков и прочих украшательств. Стройные ноги обтянуты изящными брюками из шлаговой кожи. Единственная луна планеты висела прямо над головой, словно готовая в любой момент рухнуть на землю.

Вечная сейсмическая активность Тупайла бодрила Малину Ару, напоминала о мощи, которая находилась под ее властью. Конечно, императорское влияние распространялось на все планеты, заселенные людьми, но роскошь Императора и политические интриги Ландсраада, словно мановения рук иллюзиониста, служили лишь для отвлечения внимания публики.

Благодаря своей густой сети торговых связей и альянсов компания КАНИКТ была тем истинным и прочным остовом, на котором зиждилась вся цивилизация. Яксон, подобно многим другим подстрекателям, велеречиво вещал о том, что разбухшая Империя должна быть демонтирована. Малина в принципе не возражала против такой точки зрения, но считала, что данный процесс должен быть постепенным и ни в коем случае не бесконтрольным. Однако сын не обладал для этого достаточной силой духа.

Роль Тупайла как убежища от имперских смут и волнений прослеживалась на протяжении всей истории Империи. Во времена восстаний и мятежей, сопутствовавших публикации Оранжевой Католической Библии, члены комиссии переводчиков-экуменистов бежали, спасая свои жизни, именно сюда, под таинственную сень Тупайла. Целые столетия продолжалась чистка архивных записей и других документов, и в конце концов слово Тупайл исчезло со всех карт и из всех реестров. Несмотря на то что Тупайл не значился в списке маршрутов Космической Гильдии, существовало старое секретное соглашение Гильдии с КАНИКТ, и топ-менеджеры компании имели возможность летать сюда тайными рейсами.

Планета находилась на большом расстоянии от своего тусклого красного солнца, что, по сути, должно было свидетельствовать о ее необитаемости, но гравитационное воздействие массивного спутника разогревало континенты до температуры, делавшей их пригодными для жизни. Богатые затворники построили здесь частные укрепленные здания, способные противостоять даже очень сильным подземным толчкам.

Услышав стук когтей по полу, Малина обернулась и увидела входящего на веранду Яксона в сопровождении двух мускулистых остистых собак. Прошло лишь несколько часов после их очередного ожесточенного спора. Малина от всей души надеялась, что перемирие продлится дольше, но переменчивый сын был уже готов к продолжению перепалки.

Он проводил много времени с собаками, хотя они были больше привязаны к Малине. Остистые собаки представляли собой клубки лохматого меха, но со стальными мышцами и острыми клыками; их шерсть состояла из серебристых тонких шипов, очень жестких и колючих. За ушами из черепа выступали острые рога. Утробное рычание, которое они издавали, было способно устроить любую жертву, но Малине этот рык казался ласковым мурлыканьем.

Притворившись, что не видит Якссона, Малина присела, улыбнулась и протянула руки навстречу своим любимцам. Псы рванулись к ней, забыв о Якссоне.

– Приветствую вас, мои дорогие Хар и Кар.

Она обняла животных, почесала их морды и случайно укололась пальцем об один из шипов, но не обратила внимания на этот пустяк. Руки ее были усеяны подобными мелкими шрамами. Собаки уселись рядом, с обожанием глядя на хозяйку.

Малина встала, посмотрела на сына и строго произнесла:

– Помни, что пунктов, относительно которых мы согласны, больше, чем пунктов, которые нас разделяют.

– Если мы во многом согласны, мама, то почему мы не уничтожили Дом Коррино за его преступления? У тебя же в руках все нити, ты можешь растоптать Шаддама одним меморандумом.

– Потому что мы – КАНИКТ, а Шаддам – владыка Империи, и мы не можем обходиться с ним как с дворовым хулиганом. Император даже не знает, какой ущерб он нам причинил.

– Это несколько его не извиняет! Оторио – наше наследственное родовое владение. Ущерб невозможно возместить.

– Вот поэтому нам и некуда спешить, – ответила Малина. – Чего ты хочешь – опростовело мстить прямо сейчас или терпеливо, не жалея времени, постепенно разрушить Империю?

Якссон в ярости сжал кулаки. Короткие курчавые волосы плотно, словно черный войлок, облегли его красивый череп. Густые темные брови лишь подчеркивали неистовое выражение карих глаз, угрожающих и наполненных светом внутренней силы.

Малина не дала ему ответить и снова заговорила:

– Я восхищаюсь твоей энергией. Всю жизнь мне хотелось направить ее в правильное русло, на благо КАНИКТ и всей нашей семьи.

– Ты хочешь, чтобы я был такой же марионеткой, как мои брат и сестра!

Малина коротко рассмеялась, и оба пса негромко зарычали. Один из них поднялся и подошел к Якссону, напрашиваясь на ласку, а потом вернулся на прежнее место.

– Франкос и Джалма играют свои роли по сценарию. Не сомневайся, в отношении тебя у меня тоже есть большие планы.

– Отец всегда говорил, что ты лишь отталкиваешь меня в сторону, чтобы я тебе не мешал.

Малина с трудом сохранила на лице непроницаемое выражение.

– Твой отец вообще много чего говорил, и были веские причины тому, что перед смертью он удалился на Оторио. Мне жаль, что ты проводил с ним слишком много времени. Надо было этому помешать.

Якссон был готов ответить грубо, но Малина предостерегающе подняла руку, предлагая ему промолчать. Якссон всегда был дерзким ребенком, но Малина знала, как его усмирять. Она умела обуздывать остистых собак, тем более могла она обуздать сына. Для него просто нужен особый ошейник.

Она сунула руку в карман стильной куртки и извлекла листок позолоченной тончайшей бумаги, украшенной императорской печатью – золотым львом Коррино.

– Приглашение на его смехотворный прием. Это отнюдь не провокация и не издевка. Шаддам просто ни о чем не догадывается. Он не знает, какой урон причинил нашему наследию.

Она порвала в клочья приглашение и подняла руки, глядя, как обрывки медленно падают на пол веранды, кружась в потоках дымного воздуха.

– Я никуда не поеду. Президент КАНИКТ, твой брат, тоже не поедет. Там не будет ни одного представителя компании КАНИКТ, потому что я отдала распоряжение не появляться на этом мероприятии под любым благовидным предлогом. Как видишь, мы на одной стороне баррикад.

– Кто-нибудь это заметит? – с горечью поинтересовался Яксон. – Чего мы этим добьемся?

– Всего, что могут подсказать тебе твои воображение и терпение. Я ведь учила тебя: никогда не жертвуй тем, что тебе на самом деле необходимо, ради сиюминутных желаний. У каждого из вас своя роль в великом плане. – Малина плотно сжала тонкие губы. Франкос, ее старший сын, принял мантию президента КАНИКТ, став публичным лицом огромной компании, а Джалма, ее единственная дочь, вышла замуж за могущественного, но престарелого графа Учана, главу одного из Великих Домов, под властью которого – то есть теперь под властью Джалмы – находятся семь планет.

– Мне нужно нечто большее, мама, чем протираание штанов на встречах и собраниях. Надо что-то предпринять. У меня есть собственная сеть, и мы можем многое сделать, причем с далеко идущими последствиями.

Малина знала, что ее сын встречался с несколькими мятежно настроенными аристократами Ландсраада. Им было полезно и приятно иногда выпускать пар своего недовольства и планировать смелые протесты, которые заведомо не могли закончиться ничем плодотворным.

– Когда ты будешь готов, я свяжу тебя с влиятельными людьми из Содружества благородных. План очень обширен и изощрен, и за несколько поколений мы уже сумели заметно разложить Империю. В фундаменте Империи образовалась трещина, но Шаддам пока этого не замечает.

Яксон вспыхнул, как сухая солома.

– Император ничего не понимает и ни о чем не догадывается, потому что все эти трещины слишком малы и растут очень уж медленно. Ты выступаешь за то, чтобы втихомолку не платить имперские налоги, прятать владения и уводить из казны ресурсы. Я же не хочу ждать плодов этой черепашьей революции. Человечество не может терпеть десятки тысяч лет постепенного упадка Дома Коррино. Империя в ее нынешнем виде способна только на деспотизм.

Хар и Кар во все глаза смотрели на Яксона, словно замороженные его речью, но Малина слышала все это уже много раз.

– Лозунгами прогресса не добьешься. Докажи мне свой рост, примени полученные знания. – Голос ее стал жестким, и Яксон сник, как будто его ударили хлыстом. Орден сестер Бинэ Гессерит использовал подобную технику, которую сестры называли Голосом, но Малина просто показала, насколько хорошо она знает все тончайшие струны существа Яксона. – Я расширю твои полномочия, но при условии, что ты подчинишься моему руководству!

Что-то в его облике заставило ее умолкнуть на полуслове; в характере сына она заметила то, чего раньше не видела – стальную волю. Он сделал шаг назад.

– Это не совпадает с моими целями, мама. Я очень много разговаривал с отцом, пока он был жив. – Не обращая внимания на угрожающую мимику матери, Яксон продолжал: – Ты всегда унижала его! Теперь, когда его нет, а его могилу на Оторио осквернили, ты уже никогда не узнаешь, как много он мог бы сделать для КАНИКТ, если бы только ты позволила ему это.

Малина перестала смотреть на дымное небо и во все глаза уставилась на сына. Собаки поднялись и встали рядом с ней.

– Мы сможем разрушить Империю до моей смерти, – сказал он. – Твой постепенный и гладкий план может показаться привлекательным отвлеченно-академическому уму, но большинство людей не могут держаться за экстравагантную мечту, исполнение которой потребует нескольких столетий. Мы оба, мама, прекрасно знаем, что такое бюрократия. Одно промедле-

ние тянет за собой следующее, и в результате не происходит ничего. Для того чтобы что-то сломать, нужно нечто большее, чем мягкие повторные толчки. Иногда надо взять в руки дубину.

Малина покачала головой.

Яксон направился к двери.

– Я уже собрал вещи. Я буду держать тебя в курсе моих дел, мама, потому что мы и в самом деле на одной стороне. Мои усилия придадут публичное лицо твоему делу.

– Это опрометчиво и неразумно. Я не стану платить за это, – предостерегающе произнесла Малина, понимая всю тщетность этой угрозы. – Счета КАНИКТ отныне для тебя закрыты, и все твои расходы должны получать мое одобрение.

Яксон рассмеялся.

– У меня есть собственные источники дохода.

Это еще больше встревожило Малину.

– Что ты собираешься делать?

– Скоро ты сама все узнаешь и поймешь, что я действую правильно. Но остановить меня ты уже не сможешь. Механизм запущен.

* * *

Когда ученик перестает быть учеником? Или вся жизнь – это один бесконечный урок?

Чани Кайнс. Ответ отцу

Пол Атрейдес, которому только что минуло четырнадцать, уверенно положил руки на панель управления военно-тренировочного воздушного судна. Он взялся за дугообразный штурвал, желая ощутить воздушные потоки, и судно, повинаясь его воле, послушно меняло высоту и направление полета.

Сидевший рядом Дункан Айдахо отключил дублирующую панель, позволив мальчику самостоятельно вести корабль. Дункан был основным воспитателем и телохранителем Пола. Мастер фехтования обладал многими талантами, в том числе и талантом пилота.

Это был не первый учебный полет Пола на истребителе. Мальчик был уже хорошо знаком с гибридными органами его управления – машина могла служить медлительным орнитоптером, а при укорочении крыльев превращалась в стремительный истребитель. Полу нравилось это сочетание, так как оно давало возможность освоить обе манеры управления. Он активировал режим орнитоптера, плавно, насколько у него это получалось, регулируя темп взмахов шарнирных крыльев машины.

– Ты слишком сильно дергаешь аппарат, – сказал Дункан одновременно строго и ободряюще. – Представь себе полет хищной птицы. Машина сама так летать не может.

Сосредоточившись на управлении, Пол успокоил себя упражнением из арсенала Бинэ Гессерит; этому искусству тайно учила его мать. Подавив волнение, он точно понял, что имел в виду Дункан, понял, что надо исправить в своих движениях. Он ослабил хватку рук на штурвале, и этого хватило, чтобы судно пошло более плавно.

– Вот так, сынок. Делай, как я тебя учу.

Пол не стал говорить, что в его понятливости есть заслуга матери. Дункан и леди Джессика недолюбливали друг друга; оба эти человека, обладавшие железной волей, старались наилучшим образом – каждый по-своему – воспитывать мальчика. Однажды мать намекнула на эти разногласия, сказав, что они с Дунканом соперничают за любовь и внимание Пола. Но никто доподлинно не знал, каким именно практикам Бинэ Гессерит обучала сына Джессика. Герцог Лето не одобрил бы этих уроков, как, впрочем, и Орден сестер. Но у Джессики было свое мнение по этому поводу.

Однако Дункан и леди Джессика не были единственными учителями Пола. Боевым искусствам его обучали воин-трубадур Гарни Холлик и Сафир Хават, ментат и мастер-ассасин Дома Атрейдесов. Сафир, несмотря на свой ранг, в основном учил Пола защите, учил, как избегать трудных положений и выживать в них.

Однако положение Дункана тем не менее представлялось особенным. Помимо того что он был учителем и телохранителем, он был лучшим другом Пола. По распоряжению герцога мастер фехтования обучал Пола многому – и обучал строго, на совесть. Сегодняшний полет не стал исключением. По прогнозу погоды на море сегодня ожидался шторм, и Дункан приказал Полу держать курс прямо в око тайфуна.

Мастер фехтования пристально вглядывался в пространство сквозь стекло фонаря кабины; он внимательно наблюдал, как впереди, в нескольких километрах от них, поднимается черная стена туч. Зловеще громыхал гром, словно созывая тучи на смертоносный пир.

– Ты готов, мой мальчик? – спросил Дункан. – Это самый лучший способ отточить пилотское мастерство.

– «Мальчик»? Может быть, ты перестанешь так меня называть, когда я одолею шторм... – Пол уже ощущал толчки усиливающегося ветра и усерднее сосредоточился на управлении.

– Может быть. Посмотрим, как ты справишься.

Благодаря урокам матери Пол уловил беспокойство в голосе Дункана. Шторм мог оказаться сильнее, чем они предполагали, но Пол не стал говорить о смене плана. Он был готов.

Повинуясь указаниям Дункана, Пол приблизился к грозовому фронту, выровнял машину, отключил режим орнитоптера и укоротил крылья так, что теперь судно приобрело обтекаемые очертания стремительных боевых машин, которые патрулировали небо Каладана. Теперь длина крыльев составляла едва ли четверть их прежней длины. Правда, на учебном орнитоптере практически не было никакого вооружения, если не считать носовой и кормовой лазерных пушек.

Пол до предела выжал акселератор, и машина резко взмыла вверх, словно готовясь к захватывающему танцу с грозой и бурей. Облака вокруг сгущались, становилось все темнее и темнее, и Пол нырнул в облачный покров, стараясь сохранить полное внутреннее спокойствие. Судно стало его частью, продолжением тела, и он смог придать кораблю самое подходящее ускорение.

– Хорошо, – похвалил Дункан. – Ты сегодня ведешь машину лучше, чем раньше.

Краем глаза Пол заметил, что Дункан положил руки на свою дублирующую панель, готовый активировать ее в любой момент, если подопечный вдруг ошибется.

Внизу были видны мощные разряды в тех местах, где тучи соприкасались с поверхностью воды. Эти твари встречались редко, но Пол знал, что они из себя представляют, и предчувствие встречи с ними вызвало у него почти благоговейный трепет.

– Электраны, Дункан! Смотри, как их много!

– Держись от них подальше, и все будет в порядке. Возьми немного выше.

Пол послушался, но не мог оторвать взгляда от завораживающих вспышек живых молний.

Эти морские звери размножались в море; они должны были постоянно держаться у поверхности воды, иначе их телам грозил распад. Иногда, при высокой волне, электранов выбрасывало в воздух, и, теряя связь с водой, они разрушались, оставляя после себя электростатический туман. Пока же электраны были погружены в воду, они представляли смертельную опасность своими мощнейшими электрическими разрядами.

– Это твое боевое крещение, – сказал Дункан, – и очень серьезное.

– Это то, что ты мне обещал?

Накануне они обсуждали опасные и безопасные тренировки, и Пол настаивал на том, что приобретенные навыки нужно применять в действительно тяжелых ситуациях, чтобы быть

готовым к реальным опасностям. Герцог Лето тоже считал такое обучение наилучшим, и это лишний раз демонстрировало его доверие к Дункану Айдахо, ведь герцог просил мастера фехтования позволять сыну рисковать.

Но подобный шторм с участием чудовищ выходил за рамки любого разумного обучения. Эти стихийные монстры усиливали бурю, превращая ее в неистовый ураганный шквал.

Удары живых молний не поднимались вверх, а распространялись в стороны, словно электрические твари заряжали друг друга в каком-то сверхъестественном соперничестве. Когда кривая, зигзагообразная дуга разряда ударяла в экран, он резко сгибался, скручивался, а затем так же резко выпрямлялся, извергая своим башнеобразным телом новую молнию.

Пол уже несколько лет обучался у Дункана мастерству пилотирования, усваивал сложные рефлексы, вырабатывал способность к молниеносной реакции. Он восхищался той уверенностью, с какой мастер фехтования вел себя в самых опасных ситуациях, не допуская при этом ни малейшего высокомерия. Пол искренне ценил превосходство Дункана, его самообладание в ситуациях на грани жизни и смерти. Дункан буквально оживал от всплесков адреналина в крови, и Пол выработал у себя такую же зависимость. Он полюбил хождение по лезвию бритвы, когда каждая ошибка могла стоить жизни.

И вот теперь Пол ощутил внутренний трепет, прояснявший сознание, обострявший восприятие обстановки, вселявший чудесную способность к выживанию, почувствовал прилив невероятной энергии; весь его организм мобилизовался перед лицом великой опасности. Внимание, сосредоточенность, напряжение, умения, навыки и быстрота реакции – все это достигло такой силы, какой он прежде никогда в себе не чувствовал. Взглянув на Дункана, Пол понял, что и учитель находится в состоянии полной готовности.

Исполинский шторм блистал теперь столь бесчисленными вспышками живых молний, что Пол уже не мог их сосчитать.

– Приборы перегружены сигналами и дают ложные показания, – предостерегающе произнес Айдахо. – Можешь на них не смотреть.

– Да, мешает электрическая энергия экранов. – Пол снова прибегнул к технике успокоения. – Я буду полагаться на мои глаза и инстинкты.

– Отойди от грозового фронта, чтобы мы не теряли из виду берег. Нам все же надо вернуться домой.

Пол изменил курс, но фронт шторма стремительно расширился. Облака поднялись выше и накрыли орнитоптер; струи дождя хлестали по фонарю кабины. Удары ветра были так сильны, что грозили сбросить судно в море.

– Я не доверяю приборам, но мы определенно теряем высоту.

Вывернув машину, Пол посмотрел в боковой иллюминатор и увидел испускающих трескучие разряды экранов на расстоянии уже меньше тысячи метров. Скопления чудовищ испускали тучи ярких вспышек статического электричества. Пол изменил курс, но, несмотря на это, судно продолжало стремительно приближаться к морю.

Экраны внизу, словно бесноватые, выплевывали зигзагообразные молнии. На мгновение Пол почти полностью потерял ориентацию; у него было такое чувство, что корабль перевернулся, и теперь он видит сполохи молний в небе, над головой. Но он уже надежно усвоил навыки пилотирования и знал, что надо полагаться на внутреннее ощущение направления, а не на одни только зрительные впечатления. Он чувствовал, где верх, а где низ, знал, где находится берег и Каладанский замок, хотя и не мог их физически видеть сквозь дождь и туман.

Судно теряло не только высоту, но и скорость, и Пол повернул корабль носом к ветру – не заботясь о его силе, – чтобы исправить положение. Внизу экраны, словно почуяв добычу, всем своим скоплением подались вверх, вытягиваясь все выше и выше. Пол ощутил покалывания электрических разрядов на коже, отчего у него зашевелились волосы на голове.

Дункан выстрелил из носового орудия, обезглавив нескольких экранов. Но твари быстро восстановили потерянную энергию.

Судно продолжало падать в океан, шипящие монстры соединились, образовав нечто подобное многоглавой гидре из молний, и каждая из них рвалась ввысь, навстречу орнитоптеру.

– Пожалуй, опасность слишком велика, – сказал Дункан. – Я беру управление на себя.

– Нет, я должен справиться сам, – возразил Пол. Он видел и знал, как выйдет из положения, ясно представляя себе, что сейчас произойдет и что надо делать.

Все вместе экраны вспучивались вверх причудливым конусом из молний, едва соприкасавшимся с поверхностью воды. Блестевшие как амальгама твари сверкали так ярко, что Полу было больно на них смотреть. Образы экранов буквально выжигались на сетчатке.

Дункан снова выстрелил, рассеяв энергию одного экрана. Тварь съежилась и опустилась ниже. Пол сосредоточился только на пилотировании, стараясь правильно изменить режим работы укороченных крыльев, воспользоваться восходящими теплыми потоками и попутным ветром, чтобы ускорить полет, но в конце концов судно продолжило свое падение.

До кишащей массы электрических чудовищ оставалось уже всего несколько сотен метров, и молнии почти задевали днище корабля, несмотря на то что Дункан продолжал стрелять. Корпус и крылья трещали от электрических вспышек, а внутренность фонаря заполнилась призрачными сполохами.

Пол вспомнил рассказ отца о том, как его лодка оказалась в гуще экранового шторма. Матросы стреляли из бластеров по основаниям волн под экранами, вода вскипала, контакт тварей с водой нарушался, и они мгновенно превращались в облака безвредного тумана. Теперь Дункан тоже стрелял по воде, но эта стрельба приносила мало пользы при таком громадном скоплении экранов – просто не хватало мощности лазерного луча, и пара образовывалось недостаточно для уничтожения чудовищ.

Воспользовавшись попутным ветром, Пол направил орнитоптер прямо к верхушке экранового облака.

– Пол, что ты делаешь? Ты же убьешь нас!

Пол не ответил, полностью сосредоточившись на полете. Дункан не стал переключать управление на себя, он даже не попытался это сделать, продолжив вести огонь.

– Я целюсь в голову скопления экранов, в его энергетическую макушку... Это узел объединенных экранов. Может быть, нам удастся взорвать их единство.

– У меня другая идея, – ответил Пол.

Экраны изрыгали ввысь дуги электрической энергии, одна из этих молний ударила в фонарь кабины орнитоптера. На панели управления заплескали синеватые искры. В последний момент Пол сумел уйти вправо и круто поднять машину вверх.

В спешной попытке избавиться наконец от надоедливого пришельца объединенные экраны рванулись навстречу воздушному судну с такой силой, что прервалась их связь с поверхностью океана. Как только эта связь оказалась нарушенной, страшные чудовища рассыпались, превратившись в светящееся вспышками безвредное облако, которое рассеялось без следа.

С сильно бьющимся сердцем Пол сделал круг над тем местом, где только что бесновались экраны; теперь океанский шторм казался чем-то совсем не страшным. Рассыпавшиеся чудовища вновь погрузились в пучину, где им через некоторое время было суждено воссоздание.

Пол гордо улыбался.

– Вот теперь я поверну назад. На сегодня хватит этого веселья.

Дункан вытер со лба пот.

– Я ни минуты не сомневался в тебе и никогда больше не стану называть тебя мальчиком.

* * *

Верность запечатлена в самом ядре моего существа, а честь – синоним имени Атрейдесов. Единственное, что подлежит обсуждению – это кому именно изъявляю я свою верность.

Герцог Лето Атрейдес. Из писем к сыну Полу

– Расскажите мне о Каладане, герцог Лето, – сказала Императрица Ариката. – После нашего с Шаддамом бракосочетания он пообещал, что теперь я смогу посетить множество планет Империи. Надо ли мне посетить Каладан?

В общении она была живой, дружелюбной, и, когда увлеченно говорила, при этом энергично жестикулируя, по упоминаемым ею подробностям было понятно, что она на самом деле помнит каждого присутствующего на императорском приеме. Это приятно удивило Лето и произвело на него впечатление.

От вопроса Императрицы герцога охватила ностальгия, и он в ответ грустно улыбнулся.

– Каждый человек находит прекрасной свою планету, родной дом своей души. Для меня Каладан всегда будет краем чудесных волн, бьющихся о живописные берега. У меня добротный и крепкий замок, и мне он представляется лучшим жильем, какое только можно вообразить. Он служит домом Атрейдесам на протяжении вот уже двадцати шести поколений. – Он не смог удержать вздоха. – Я люблю, стоя на высоком балконе, смотреть на берег во время прилива. В безлунные ночи океан фосфоресцирует и до самого горизонта светится таинственным зеленоватым светом. Часто ко мне присоединяется моя леди Джессика.

Он очень скучал по ней и постоянно в мыслях возвращался к голографическому посланию, которое она отправила сюда вместе с ним.

Чувственные губы Арикаты сложились в приветливую улыбку.

– О, герцог Лето Атрейдес, а вы, оказывается, романтик!

Сам Лето никогда не считал себя романтиком.

– Я герцог Каладана, – сказал он, видимо, сочтя это достаточным ответом.

Сумерки за окнами сгущались, огни, словно гигантские светлячки, подчеркивали роскошные очертания музейного комплекса. В разгар приема Император, видимо, сильно утомленный обилием гостей, отошел от них, приблизился к стене и включил систему громкоговорителей – он решил обратиться ко всем людям, находившимся в городе.

Императрица, заметив это, извинилась перед Лето:

– Мы поговорим с вами позднее. Мой супруг готовится произнести речь для всего города. Это будет историческое обращение, достойное быть запечатленным в анналах истории.

Она направилась к Шаддаму.

Толпа перестала гомонить, перейдя на почтительный шепот, а некоторые зааплодировали Императору. Лето обратился в слух.

Прежде чем Император заговорил, весь город погрузился во мрак.

Энергия иссякла так внезапно, как будто кабель был перерублен топором палача. Тьма наполнилась единым вздохом, вырвавшимся из груди сотен присутствовавших в Монолите. Они были растеряны и смущены, но не испуганы, поскольку решили, что дело в технических неполадках. Правда, слышались возмущенные восклицания, выражения гневного недоумения и жалоб. Все эти звуки волной прокатились по залу.

Широченные плазовые окна смотрели теперь на погруженный в непроницаемую ночную тьму город, но глаза Лето постепенно привыкли к темноте. К своему удивлению, он не заметил ни единого огонька во всем музейном комплексе. Новый город Шаддама больше походил теперь на огромный склеп, нежели на величественный мемориал.

Лето сразу насторожился. Он, конечно, понимал, что целью потенциальных убийц является, без сомнения, Шаддам, но побочных мишеней гораздо больше – в их числе и он сам. Он инстинктивно подался к Императрице и Шаддаму. Сардаукары образовали кольцо вокруг Императора.

Лето расслышал, как Ариката тихим, но твердым голосом произнесла:

– Все в этом торжестве было распланировано до мельчайших деталей! Надеюсь, что мой муж найдет виновных, и тогда покатаются головы.

Шаддам рявкнул:

– Где фонари?

Неожиданно появившийся Фенринг взял Императора за руку.

– Надо полагать, что мы в опасности, сир.

Лето сразу вспомнил подозрительного человека, встреченного им в проулке за статуей Серены Батлер. Нашла ли его служба безопасности?

Снова раздался мощный голос Императора:

– Стража! Ко мне!

В руке полковника-баши сардаукаров вспыхнул яркий свет ручного фонаря.

Одновременно в разных концах зала появились светящиеся фигуры. Возле стенда с кинжалом Файкана Батлера в воздухе возник бледный мужской силуэт. Четыре идентичные проекции появились в четырех важных точках переполненного зала. Фигура в человеческий рост была похожа на прихотливое облако белого дыма. Это был молодой, мощного сложения человек с тяжелыми надбровными дугами и темными волосами, которые плотно, как грозовые тучи, облегали череп. Его лицо источало властность и силу; все голограммы были абсолютно одинаковыми.

Лето не сразу понял, что эти туманные, прозрачные проекции были голограммами. Он огляделся, но ничего не смог рассмотреть в тусклом свете, испускаемом изображениями.

– Где-то должны быть умножители, проекторы, расставленные в помещении.

– Кто этот человек? – недоуменно проворчал один из слуг. – Кто-нибудь узнает его?

Голографические образы отбрасывали призрачный свет на толпу аристократов. Фигуры хранили зловещее молчание. Гомон стал громче. Шаддам прикрикнул на присутствующих, а сардаукары начали отдавать приказы, стараясь организовать толпу и защитить ее от возможной опасности.

Прижавшись к плазовым окнам, другие гости тыкали пальцами в стекла, указывая на раскинувшийся внизу город. Лето смог рассмотреть белые мерцающие пятна, рассеянные по всему комплексу, – это была целая армия одинаковых голограмм, блуждающих между выставками, фонтанами, статуями и аудиториями. С высоты Императорского Монолита они выглядели как тысячи крошечных бледных огоньков, разбросанных по всему городу.

Затем, в один момент, все голограммы заговорили в унисон, резонируя и перекрывая гул толпы:

– Городская сеть нейтрализована. Оторио покрыла тьма, каковая должна господствовать здесь от века. Эта планета переживет еще один миг покоя и мира, прежде чем навсегда прославится в истории.

Лето понял, что тысячи голограмм произносят одни и те же слова по всему городу. Каждый услышит то, что хочет сказать этот человек. Благодаря умело сделанным проекциям Лето казалось, что светящееся изображение смотрит ему прямо в глаза. Голос зазвучал громче:

– Мне есть что сказать, и вам предстоит меня выслушать, хотите вы этого или нет. Вся Империя услышит меня, ибо я говорю громовым голосом.

– Кажется, он слишком много о себе воображает, – процедил сквозь зубы один пышно одетый лорд.

– Вы не знаете меня, но я сейчас представляюсь. Меня зовут Якссон Ару. Мое обращение услышит вся Империя, все ее планеты, ибо невозможно заглушить голос свободы.

– Ару? – повторила Императрица Ариката. – Мы знаем это имя.

Лето тоже вспомнил Франкоса Ару, президента компании КАНИКТ. Этот Якссон ему, случайно, не родственник?

Голограмма продолжала вещать:

– Империя Коррино изжила себя, доказав свою бесполезность, и мы должны разрушить ее. Единственный способ это сделать – обезглавить ее.

Сардаукары подтянулись и теснее обступили Шаддама.

– Вы все здесь присутствуете на месте преступления, – продолжал Якссон Ару, – на месте одного из многих преступлений Коррино. Император похитил эту планету для того, чтобы раздуть свое эго, таким же образом он ободрал и все другие знатные семейства Ландсраада. Мы должны быть королями наших планет, управлять сами нашим достоянием. Коррино душили вас тысячи лет, и вы смирились с этим! Мало того, вы сами дали им эту возможность. Этот «благородный» Дом и вся верхушка Ландсраада должны быть сменены.

Свет голограмм залил зал. В этом тусклом свете Лето увидел, как нахмурился Шаддам.

– Что мы знаем об этом человеке?

Фенринг ответил сразу:

– Недавно я коротко докладывал вам о нем, сир, хм-м, не так ли? Это сын Малины Ару, ур-директора КАНИКТ, но больше мы о нем ничего не знаем.

– Что все это...

Якссон еще сильнее повысил голос:

– Почему вы терпите дряхлую коррумпированную Империю, монополизированную одним алчным семейством, когда мы могли бы иметь соцветие могучих независимых планет, каждая из которых управляется собственными лидерами и собственным народом? Именно так сможет выжить род человеческий!

На площади внизу было видно, как заволновалась людская масса. Лето наблюдал толпы людей, подобно роям разгневанных насекомых струящиеся между блуждающими проекциями Якссона Ару.

Один из аристократов в зале громко, заглушив голос голограммы, крикнул:

– Это государственная измена! Я верен Падишах-Императору!

Лето внимательно слушал, анализируя положение, и его постепенно охватила сильная тревога. Любой продуманный, сложный заговор, такой, как этот, должен выразиться в чем-то большем, чем возмущенное заявление. Возможно, Якссон Ару выступил с этим манифестом, чтобы совершить переворот в умах и побудить людей к мятежу, но Лето не думал, что он удовлетворится только этим. Надо было ждать продолжения.

В сильном волнении он оглядел зал. Он знал, что на крыше Монолита дежурят воздушные суда – лишь этажом выше приемного зала; впрочем, если всю эту массу людей придется эвакуировать, то единственным путем спасения будет скоростной лифт до первого этажа. Но что, если Ару каким-то способом изолировал приемный зал, блокировал его? Не заложена ли в здании бомба?

Лето подбежал к Арикате.

– Мне это очень не нравится, Императрица. Нужно готовиться к худшему.

Император повернулся к стенным микрофонам, через которые собирался воззвать к городу.

– Сейчас я смогу обратиться к людям из службы безопасности по всему комплексу. Мой голос заглушит каждое слово этого безумного человека.

Он взмахнул рукой, чтобы активировать систему, но та не сработала. Энергия была отключена.

Яксон продолжал свою тираду:

– Вспомните о Содружестве благородных. Учитесь у нас, осознайте свое будущее, присоединяйтесь к нам. – Голограмма сделала паузу, а затем добавила: – Если переживете эту ночь.

По залу прокатилась волна гневного недоверия; голографические образы исчезли, рассеявшись, словно морской туман под лучами утреннего солнца. Ропот толпы стал громче, хотя, как заметил Лето, некоторые аристократы молчали – такие, как, например, лорд Атикк. Лето вспомнил, что некоторые аристократы говорили о Содружестве благородных. Вовлечены ли они в заговор?

Загорелись лампы, питаемые аварийной станцией Монолита. Император кипел бессильной яростью, окруженный кордоном сардаукаров. Лето и раньше не раз приходилось видеть разъяренного Императора, однако в таком бешенстве он не видел Шаддама никогда прежде. Мятужное выступление Яксона Ару не только представлялось оскорбительным само по себе, но и произошло во время значимого для Императора события; это было личным оскорблением.

– Найдите этого человека! – проревел Шаддам. – Разберите полы, вскройте стены, найдите провода. Как он смог это сделать? Найдите его! Он здесь?

– Думаю, что это запись, сир, – предположил Фенринг.

– Что он имел в виду, сказав: «Если вы переживете эту ночь»? – спросил Лето и подошел ближе к сардаукарам. – Нет ли здесь какой-то прямой угрозы?

Сквозь толпу, прямые как манекены, чеканя шаг, прошли три сардаукара. Лето узнал среди них полковника-баши, который согласился искать подозрительного «рабочего» на площади. Этот офицер плечом оттеснил в сторону одного из гостей – графа Диново – и быстрым шагом устремился к Императору.

– Мы забираем вас, сир. Мы должны вас эвакуировать.

– Эвакуировать? Во время моего праздника?

Не выказав ни малейшего почтения, полковник крепко взял Императора за руку.

– Подозрения герцога Атрейдеса оказались справедливыми. – Сардаукар посмотрел на Лето. – Мне очень жаль, что наше расследование продлилось так долго, сир. Существует действительная угроза заговора против трона.

– Конечно, это заговор! Мы только что наблюдали, как он разворачивается, – огрызнулся Шаддам. – Вы не видели голограммы? Нам надо остановить этого человека, чтобы он и не продолжил сеять возмущение и подстрекать народ к мятежу.

Офицер коротко доложил обстановку, увлекая за собой Императора:

– Грузовые контейнеры и тяжелые обломки на орбите не пусты, как нам казалось. Они нагружены радиоактивным веществом и взрывчаткой. Их двигатели были активированы, и теперь три из них быстро спускаются к поверхности планеты. Их цель – музейный комплекс.

Шаддам изо всех сил отказывался верить очевидному, но сардаукар и не думал ослабить хватку.

– Мы эвакуируем вас, сир. Немедленно!

* * *

*Самая важная из родительских добродетелей – это умение понять,
когда стоит показать свою власть, а когда – нет.*

Леди Джессика

Когда разразился шторм, Джессика сразу вспомнила, что Пол и Дункан отправились в тренировочный полет на модифицированном орнитоптере. Не обращая внимания на ветер и дождь, она выбежала из замка. За полчаса до этого, стоя у высокого окна, она видела, как Пол

и Дункан взлетели в небо с военного аэродрома и взяли курс на море, не боясь надвигавшегося шторма. Пол будет рад случаю проверить в деле приобретенные навыки.

Но грозовые тучи становились мрачнее. Вспышки света у их нижней кромки говорили о чем-то более зловещем, чем простые молнии. Эта опасность превосходила все, чего Джессика опасалась во время подобных учебных полетов. Разумные рыбаки развернули свои лодки и устремились к пристани, но самолет Пола продолжал лететь вперед, словно стремясь подразнить шторм.

Джессика испытывала вполне естественный страх за своего ребенка, но она знала, на что он способен.

Под длинным пальто на Джессике было надето изящное белое платье, а бронзовые волосы, уложенные в пучок, были заколоты редким жемчугом, подаренным ей герцогом Лето. Сегодня исполнилось двадцать лет с момента их знакомства, и она не забыла об этом, несмотря на то что сам Лето находился на празднестве, устроенном Коррино. Но сейчас, поняв, какому риску подвергает себя их сын, она думала только о насущных вещах.

Выбежав со двора замка, она принялась взбираться вверх по каменистой тропе к мысу, высившемуся над океаном. Это было неразумно – стоять на продуваемом всеми ветрами месте во время электрического шторма, но она должна была видеть, что происходит. Раскаты грома и шум катящихся на берег волн заглушали звук работы моторов. Она прикрыла глаза ладонью от сырого пронизывающего ветра и стала пристально вглядываться в уродливо изломанную линию грозового фронта. Яростные вспышки на поверхности океана подтверждали, что то был не обычный шквал.

Окинув взглядом взлетную полосу, она обратила взор на посадочную. Джессика уговаривала себя, что Дункан позаботится о безопасности Пола, но и сам мастер фехтования был склонен к авантюрам и безрассудству, а Пол всегда стремился до предела испытать свои возможности.

Даже сейчас, спеша к летному полю по безлюдной местности, Джессика не испытывала одиночества. Она была важна для Дома Атрейдесов, для правителя Каладана. Ее роль не исчерпывалась ролью наложницы, матери наследника или сестры Бинэ Гессерит. Лето оставил ее вместо себя, уезжая на грандиозное празднество Шаддама. Герцог и его леди заключили негласный договор, основанный на доверии, которое они питали друг к другу после двадцати лет совместной жизни. Джессика часто принимала самостоятельные решения в отсутствие Лето, брала на себя ответственность, чтобы облегчить бремя, лежавшее на плечах герцога. Она знала образ мыслей возлюбленного и понимала, какое решение он бы принял на ее месте.

Черные тучи, словно исполинский кулак, нависли над морем. Зловещие яркие вспышки и разряды, подобно гигантским плетям, хлестали во всех направлениях. Леденящий ветер усилился, косые струи дождя немилосердно били Джессику по щекам. Пол и Дункан были там, в самом эпицентре шторма, слишком далеко от берега; они были в страшной опасности. У Джессики замерло сердце. Ее сын – прекрасный пилот, а Дункан – лучший, но даже лучшим не всегда удается уцелеть в вихрях океанских штормов. Она надеялась, что после бури спасательным командам Каладана не придется искать искореженные обломки орнитоптера в морских волнах.

– Возвращайся, Пол, – шепотом взмолилась она.

Сегодня, прежде чем отправиться на аэродром, Пол серьезно поговорил с матерью. Он стоял перед ней, скрестив руки на груди.

– Легкие тренировки не дают отточить мастерство. Только реальный риск порождает настоящий опыт.

Она верила в своего сына.

Но в этот момент, думая о хрупком орнитоптере в водовороте шторма, Джессика призвала на помощь медитативную технику, усвоенную в Ордене Бинэ Гессерит. Она и сама сталкивалась со смертельным риском во время обучения на планете Уаллах IX. Ее проктор, Препод-

добная Мать Мохайем, подвергала Джессике очень жестким испытаниям. Орден сестер обычно не ценил жизней послушниц; выживали лишь самые лучшие – об остальных можно было не жалеть. Джессика выдержала все испытания и овладела всеми трудными эзотерическими практиками, которые преподавались в школе Матерей.

После этого ее определили в наложницы герцогу Каладана, Лето Атрейдесу. Тогда это представлялось Джессике просто очередной миссией, миссией, в которой она преуспела. Тогда Джессика не подозревала, что это станет ее судьбой, нитью ее жизни. Она сомневалась, что все назначения Бинэ Гессерит были такими же безупречными.

Неподалеку раскаленная добела молния ударила в гребень высокого мыса. Джессика глубже натянула капюшон, прикрыв волосы, пригнула голову и ускорила бег. Скорее бы добраться до аэродрома – там можно будет спрятаться от непогоды в каком-нибудь здании. Ей показалось – или это была всего лишь надежда? – что она слышит приглушенный рокот двигателя за завываниями ветра, но огней приближавшегося орнитоптера она не увидела.

Пол уцелеет, Джессика чувствовала, знала это всем своим существом. Дункан не даст ему погибнуть!

Грянул гром, и Джессика вдруг подумала о Лето: где-то он сейчас? Она знала, что он на Оторио, в окружении амбициозных аристократов, и это тоже было нешуточное испытание. Ему придется принять участие в политических схватках – схватках с разодетыми в пух и прах, надменными и чванливыми гостями празднества Императора Шаддама. Джессика знала, как противна герцогу эта придворная претенциозность. Несмотря на отвращение к политическим играм, Лето тем не менее не был в них изгоем; среди аристократов у него были и друзья, и политические союзники, что делало его более влиятельным, чем многие другие лорды, владевшие только одной планетой. Как бы то ни было, он сейчас, наверное, потягивает тикальское шампанское, отведывает изысканные блюда и ведет пустые беседы с представителями других благородных Домов.

Она могла бы быть рядом с ним в качестве леди владетельного герцога, но наложница не могла исполнить ту роль, какая была необходима в подобных ситуациях Дому Атрейдесов. После трагической гибели Илезы Икац перед церемонией бракосочетания Лето – Джессика прекрасно это понимала – будет сопротивляться желанию вступить в брак, но прошло уже много времени, за такое время меняются целые ландшафты, меняется политика, и ее требования могут оказаться сильнее любых надежд. Если Лето будет загнан в угол, то, возможно, ему все же придется положить герцогство Каладан к ногам Джессики. Согласится ли он взять ее в жены, если она поведет правильную политику?

Шторм продолжался недолго, и к тому моменту, когда Джессика добралась до первых строений аэродрома, ветер стал намного слабее. На востоке, над морем, небо наконец начало проясняться. Над горизонтом появился голубой просвет чистого неба.

Остановившись в дверях небольшого металлического ангара, она пристально вглядывалась в небо и в конце концов различила огни орнитоптера и услышала приближавшийся гул моторов. Судно, покачиваясь, зашло на посадку. Не поврежден ли фюзеляж? Не устал ли пилот? Может быть, Пол ранен?

Она стояла на краю поля, когда аппарат, подпрыгнув, не вполне удачно приземлился. Джессика бросилась к орнитоптеру. Фонарь кабины открылся, и из нее выпрыгнул Пол. Лицо его буквально светилось от счастья, ведь он смог пройти по самому краю пропасти, на волосок от смерти. Следом из кабины вылез Дункан Айдахо; он, как всегда, шагал прямо и уверенно; Джессика достаточно хорошо знала мастера фехтования и видела, что перенесенная опасность доставила и ему немало тревоги.

Джессика принялась тихо выговаривать Дункану:

– Не надо было идти на такой риск, Дункан.

Мастеру фехтования, собственно, нечего было возразить на этот упрек. Он опустил глаза и принялся мучительно подбирать слова, но его выручил Пол:

– Мы вернулись, мама! Я очень многому научился всего за какой-то час... – Он стер с лица струи дождя, заливавшего глаза. – В один прекрасный день я, возможно, попаду в шторм, и ты будешь знать, что мне удастся с ним справиться.

* * *

Любой человек способен убить другого... или самого себя.

Сафир Хават

В школе Матерей Ордена Бинэ Гессерит на планете Уаллах IX на медицинской койке лежала, трудно и хрипло дыша, древняя старуха, раздавленная тяжестью своих видений и преклонного возраста. Лезия, Мать Квизаца Ордена, обладала поразительной способностью воочию видеть все здание, весь гештальт гигантской селекционной программы Общины сестер; она представляла себе все нити, все родословные, все тупики, прозревала надежду там, где ее не видели другие сестры.

Она медленно умирала, напичканная меланжем; благодаря неслыханным способам поддержания жизни она уже давно переступила все мыслимые пределы продолжительности человеческой жизни. Но Орден Бинэ Гессерит считал необходимым поддерживать в старухе искру жизни, ибо Лезия владела уникальным и жизненно важным даром – даром, который было трудно передать другим.

Лезия была опасна, переменчива и иррациональна.

Верховная Мать Харишка вошла в секретный отсек на третьем этаже медицинского корпуса, где в изоляции и под охраной пребывала Лезия – от нее надо было защитить других сестер. Верховная Мать подошла к послушнице, охранявшей запертую дверь, и они заговорили шепотом, чтобы не потревожить находившуюся в палате старуху.

Харишка молча кивнула в сторону двери, и послушница сняла заграждение и засовы. Верховная Мать скользнула в пропахшее тленом помещение и, неслышно ступая по темному деревянному полу, приблизилась к широкой кровати, на которой спала Лезия. У старухи было поразительно юное лицо, но тело было иссушенным, а руки покрыты пятнами и морщинами. Харишка видела старые изображения подруги. В прошлом Лезия была Мастером скрещивания и постепенно поднималась по карьерной лестнице до руководительницы программы. Лезия до сих пор сохраняла остатки былой красоты.

В палату неслышно вошла полная сестра с записывающим аппаратом. Она подошла к Лезии и склонилась над ней, направив на старуху объектив, чтобы записывать мимику и слова, которые она, возможно, произнесет, очнувшись от своего кататонического ступора.

Харишка несколько минут стояла у кровати, стараясь не шелестеть накидкой и тихо дыша, чтобы не производить лишнего шума. Нельзя было лишать старую подругу ни одного мгновения драгоценного сна. Даже до того, как Харишка стала Верховной Матерью, она восхищалась врожденной, просто невероятной способностью Лезии к видению необъятного плана, видению, недоступному другим сестрам Бинэ Гессерит.

Словно ощутив каким-то сверхъестественным образом присутствие Верховной Матери, прикованная к постели женщина медленно приоткрыла глаза, а потом, широко их распахнув, устала пронизательный взгляд на Харишку, вздрогнувшую от неожиданности.

– Ты очень долго стоишь здесь. Никак не можешь решиться перерезать мне горло, чтобы покончить со всеми хлопотами, какие я вам причиняю?

Верховная Мать заставила себя рассмеяться.

– Ты же знаешь, что об этом я не могу даже помыслить, давняя моя подруга.

– Я не Вещающая Истину, так что ты можешь меня обмануть. – Лезия подозрительно взглянула на Харишку и попыталась отодвинуться.

– Я пришла сюда не для того, чтобы тебе лгать; просто зашла проведать, узнать, как ты себя чувствуешь. – Верховная Мать постаралась вложить в свои слова всю искренность, на какую была способна. – Ты нужна Ордену, Лезия. Ты незаменима.

Краем глаза Харишка заметила рослую сестру в зеленом медицинском халате, подошедшую к кровати Лезии. Волосы женщины были гладко зачесаны и плотно прилегали к голове. Теперь, когда Лезия пробудилась, сестра проверила показания приборов, поправила трубки, зонды и диагностические датчики. Пришедшая с Харишкой сестра с камерой подошла ближе, чтобы лучше записывать происходящее.

Харишка склонилась над старухой и заговорила умиротворяющим голосом:

– Мы стараемся тебе помочь. Твое тело изношено и не может само поддерживать в тебе жизнь. Мы делаем все ради твоего блага.

– Моего блага? – Мать Квизаца приподнялась на подушках, затем снова бессильно откинулась назад. Харишка торопливо приподняла ее, а медицинская сестра подложила под спину старухи подушку. – Ты хочешь сказать, для блага Бинэ Гессерит.

– Но разве мы не сестры? Разве не поклялись мы всеми силами поддерживать и продвигать цели Ордена? Селекционная программа – суть и смысл существования Общины сестер. Ты – главный человек Общины. – Харишка выпрямилась. – Таким образом, все, что благо для Ордена, есть благо и для тебя.

Старуха недовольно поморщилась.

– У меня нет друзей, ты же знаешь. Я никогда не испытывала ничего даже отдаленно напоминающего любовь к человеку. В том числе и к тебе.

Харишка рассмеялась.

– Ты не такая бесчувственная, какой хочешь казаться. У меня множество приятных воспоминаний о разговорах с тобой.

Мать Квизаца хрипло вздохнула.

– У меня была невероятно трудная жизнь, да и длится она уже чересчур долго. Как много селекционных путей оказались ложными, сколько их завело нас в тупик, сколько надежд было перечеркнуто – я вижу каждый такой путь и бесчисленное множество других, столь же неудачных. Так в чем же смысл всего этого?

Харишка постаралась ответить как можно мягче:

– Ты можешь выбрать нити, которые не ведут к неудаче. Только ты вдыхаешь жизнь в наши надежды.

– Я не могу жить вечно. Вы нашли Мать Квизаца, которая заменит меня, так дайте же мне уйти в царство Другой Памяти. Она талантлива, способна, я говорила с ней и знаю, что она справится.

Верховная Мать сочувственно кивнула.

– Но у тебя есть и еще один талант, разве нет? Талант, которым не обладает она. Вот поэтому-то ты для меня так важна.

– Да, за это меня стоит терпеть. – Лезия с отвращением посмотрела на подсоединенные к ней трубки, по которым поступала эссенция специй и питательные растворы; на мониторы, следившие за работой сердца; на аппаратуру, поддерживавшую дыхание. Помолчав, старуха вдруг выпалила: – Если уж ты так обо мне заботаешься, то не принесла ли мне чего-нибудь вкусного?

Харишка сунула руку в карман и достала небольшой аккуратный пакет, развернула его и перелила содержимое в миску. Из другого кармана она извлекла ложку и подозвала медицинскую сестру.

– Выключи аппаратуру. Оставь ее в покое на несколько минут. Она продержится.

Сестра заколебалась. Было видно, что она встревожилась.

Лезия прохрипела:

– Я умею контролировать работу всех клеток моего тела. На обед меня хватит!

Жужжание аппаратов прекратилось, но питательные растворы и специя продолжали течь по трубкам в вены старухи. Харишка придвинула к кровати стул. Лезия, прищурившись, старалась рассмотреть миску.

– Что у нас сегодня?

Вспышка нетерпения была самой положительной реакцией, какую Харишка видела у нее за долгое время.

– Савойский суп с перцем, который ты так любишь. Его трудно найти. – Верховная Мать улыбнулась. – Но я нашла его... для тебя.

Лезия была счастлива, но не вполне.

– Ты единственная, кто умеет меня успокоить. Другие тоже пытаются, но у них ничего не выходит.

– У нас с тобой есть особые навыки.

Харишка отправила ложку с густой темно-зеленой жидкостью в рот Лезии. Старуха, посмаковав кушанье, проглотила суп, а Харишка приготовила вторую ложку, потом следующую, стараясь не пролить редкое угощение на дряблый подбородок. Когда Лезия поела, Харишка вытерла ей губы салфеткой. Только Харишке старуха позволяла так себя кормить.

Насытившись, древняя Мать Квизаца почувствовала сонливость.

Харишка встала, чтобы уйти.

– Я провожаю тебя завтра.

Лезия сердито посмотрела на нее.

– Ты просто хочешь удостовериться, что я еще жива.

– Да, конечно.

Старуха закрыла глаза и сбросила на пол несколько подушек, чтобы улечься на спину. Медицинская сестра попыталась помочь, но Харишка сама поухаживала за Лезией.

Когда умирающая закрыла глаза и затихла, Харишка сказала сестрам:

– Теперь можете включить аппаратуру. Если будут какие-то изменения, немедленно сообщите.

* * *

Когда Верховная Мать ушла, Лезия приподнялась без посторонней помощи. Две медицинские сестры, повернувшись спинами к старухе, шепотом переговаривались, но та слышала каждое их слово.

– У меня бывают моменты помрачения, но сейчас я мыслю очень ясно.

Сестры, насторожившись, обернулись. Обе даже не пытались скрыть страх.

Лезия прибегла к непреодолимой силе Голоса и сразу парализовала волю обеих сестер.

– Ты, с камерой, подойди ближе.

Рослая женщина беспрекословно повиновалась. Не в силах сопротивляться, она приблизилась к кровати и встала рядом с Лезией.

– Ты все записываешь? – резко спросила Лезия. – Все, чтобы каждое мое слово, каждое мое действие можно было обсудить и проанализировать?

– Я добросовестно выполняю мою работу, – кивнула сестра.

Едва заметная ухмылка скользнула по лицу Лезии.

– Тогда так же добросовестно сделай еще одно дело. – Старуха понизила голос до хриплого шепота; теперь сила Голоса была направлена только на эту сестру. – Видишь вот ту

каменную стену? Один кирпич слегка выступает из нее своим заостренным сколотым краем. Видишь, какой он острый?

Вытянув узловатую, изуродованную старостью руку, она указала на угол комнаты.

Сестра кивнула и подняла записывающую камеру.

– Теперь подойди к стене и бейся об этот кирпич лбом столько раз, сколько сможешь. – Лезия махнула рукой. – Да, отдай мне камеру, я подержу ее, пока ты будешь выполнять мой приказ.

Медицинская сестра громко вскрикнула и попыталась удержать подругу, но Лезия остановила ее властным окриком Голоса:

– Стоять! Не двигаться!

Не колеблясь, рослая сестра отдала Лезии камеру, и старуха принялась записывать каждое действие несчастной молодой женщины. Она подошла к стене, повернулась к ней лицом, а затем отступила на шаг назад, чтобы изо всей силы стукнуться лбом о выступающий острый кирпич. После первого же удара она отпрянула назад, с отвращением глядя на кровавое пятно на стене, а затем снова бросилась на стену.

Лезия записывала это безумие, а вторая сестра беспомощно наблюдала, как ее подруга еще несколько раз ударилась головой о стену, а потом, бездыханная, рухнула на пол. Череп был расколот; из раны потоком струилась кровь.

Лезия в изнеможении откинулась на подушку и устала взгляд в ослепительно белый потолок. Рука ее разжалась, но камера записала слова, которые она произнесла, прежде чем упасть в забытье:

– Джессика... Джессика с Каладана! Вы должны забрать ее у него! Джессику...

* * *

Стоит ли жизнь короля дороже жизни крестьянина или вора? Стоит ли ваша жизнь дороже, чем жизнь подчиненного вам человека? Вот такой шкалой можно пользоваться для определения того, являются ли поступки героическими или трусливыми.

Император Фондиль III, Охотник. «Рассуждение об имперских предубеждениях»

Те, кто стоял ближе других к Шаддаму, отпрянули, повинуясь резкому приказу баши. Некоторые не смогли сдержать крика ужаса. В тусклом свете зала Лето вспомнил о кораблях, стоявших на дипломатической взлетной площадке, и задумался: сколько людей можно эвакуировать из здания и, самое главное, сколько времени в их распоряжении?

В этот момент, словно в качестве издевки, снова включилась энергия, и в зале вспыхнул яркий свет, ослепивший присутствующих. Лето пригнулся, прикрыв глаза ладонью. Нельзя было терять ни секунды. В окна было видно, как вновь осветился музейный комплекс – засияли искусственные радуги, в зеркалах вспыхивали отражения крутящихся звезд, по небу чертили линии разноцветные лучи, прославляя величие Дома Коррино. Лето понял, что это был еще один отвлекающий маневр.

Сардаукар схватил Императора за руку и повел его к тайной двери в задней части приемного зала.

– Сир, вам надо уходить. Немедленно. – Полковник громко отдал команды другим сардаукарам. – Вы тоже, граф Фенринг, и Императрица. Идемте с нами.

Возмущенный Шаддам попытался вырваться, но тщетно.

– Мне достаточно и этого оскорбления, полковник-баши. Я не собираюсь бежать. Мой народ не должен видеть мою трусость.

На лице сардаукара отразилась лишь досада. Он смотрел на Императора, как на непослушного ребенка. Баши заговорил тихо, но энергично:

– Эти люди погибнут и ничего никому не расскажут, сир. Мы находимся в зоне поражения. На крыше стоит легкое судно, на нем мы доставим вас в безопасное место!

Фенринг не заставил уговаривать себя дважды и поспешил к потайной двери.

– Надо было слушать, что говорят, не так ли, хм-м?

Сардаукары расчищали путь, бесцеремонно расталкивая благородных гостей.

Лето был немногословен, когда заговорил, выступив вперед:

– По вашей воле в городе собрались тысячи людей, сир. Эвакуировать надо всех.

Ему ответила Императрица Ариката:

– Здесь самая важная персона – мой муж, но если и другие смогут спастись, то...

Лето бросился к панели управления громкоговорителями и активировал систему.

– Вниманию всех граждан! Покиньте город любыми доступными способами! Бегите как можно дальше от него! – Лето сомневался, что людям удастся это сделать, но он был обязан их предупредить. – Налет неотвратим!

Какой-то сардаукар включил тревожные сирены, вой которых разнесся по всему городу. На перекрестках неистово замигали красные маяки. Массивные контейнеры уже летели к земле сквозь атмосферу. Лето не имел ни малейшего понятия о том, насколько точным было прицеливание, но массы падающих объектов было достаточно для взрыва, эквивалентного взрыву небольшой атомной бомбы.

Лето заметил эрцгерцога Икаца, стоявшего в группе других аристократов.

– Арманд! Веди людей к лифтам! Выбирайтесь на взлетную площадку и занимайте любые корабли!

Суда самых важных гостей были готовы взлететь в любой момент. Поняв приказ Лето, эрцгерцог, не говоря ни слова, быстро повел людей к дверям лифтов.

Лето снова подошел к микрофонам в стене.

– Уходите! Уходите!

Его слова громовым эхом отдавались от домов и мостовых гигантского города и музейного комплекса. Он внезапно подумал, что едва ли сумеет спастись, и вспомнил о Джессике, о Поле...

Охваченная паникой толпа бросилась к лифтам. Арманд Икац втиснулся в уже переполненную кабину и блокировал вход. Ему помогал граф Диново. Резные металлические двери со скрежетом закрылись, и лифт провалился вниз. Лето от души надеялся, что его друг успеет уйти вовремя.

Гости были сбиты с толку и дезориентированы. Некоторые до сих пор не понимали, что происходит что-то страшное. Пробиваясь к двери, куда вели Императора, помощник канцлера периодически громко восклицал хорошо поставленным басом:

– Спокойствие, спокойствие! Все под контролем!

– Где моя Вещающая Истину? – непрестанно повторял Шаддам, пока сардаукары увлекали за собой его, графа Фенринга и Императрицу. – Непременно разыщите ее и выведите на крышу!

В горле Лето застыл ледяной ком. Он подумал о своем пилоте Арко и тех молодых людях из свиты, которым так хотелось увидеть это потрясающее зрелище. Яхта Атрейдесов стояла на поле, и Лето понимал, что его люди обречены.

Пока первая группа сардаукаров выводила Императора и его спутников через одну потайную дверь, вторая сопровождала престарелую преподобную мать Мохайем через другую. Внезапно какой-то офицер взял Лето за плечо.

– Сюда, Атрейдес.

Это был тот самый полковник-баши, который странно смотрел на Лето во время его разговора с Императором; тот самый, кто всерьез воспринял его предостережение.

– Для вас есть место в корабле Императора.

Крепко взяв Лето за руку, сардаукар повел герцога к выходу, за которым располагалась лестница наверх, на крышу Монолита. Шаддам карабкался по лестнице первым, за ним – Императрица, а замыкал этот исход Фенринг. Другие гости тоже пытались пробиться к двери, но сардаукар оттеснил их и протолкнул Лето вперед.

– Почему вы меня спасаете? – спросил Лето. – Надо спасать всех.

– Всех спасти невозможно, – отрезал сардаукар. – Вы сообщили об опасности, предостерегли нас. Разве это не причина спасти вас?

– Нет! – ответил Лето, для которого такой ответ был единственно возможным. – Все эти люди нуждаются в спасении. Есть же какой-то способ им помочь!

– Император Шаддам приказал вывести вас, чего бы это ни стоило, и я выполняю приказ. Все остальные уже фактически мертвы.

Он бесцеремонно потащил герцога по узкой крутой лестнице, ведущей на крышу. Лето попытался помочь остальным, хотя и понимал, что это тщетная попытка. Времени уже не было. Внушало надежду то, что Арманд успел вывести часть людей на первый уровень Монолита, и, может быть, кто-то успеет взлететь.

Офицер сардаукаров подтолкнул Лето.

– Скорее! Мы можем опоздать!

Группа, окружавшая Императора, вышла на открытую площадку, где стояло несколько небольших кораблей, готовых к взлету. Впереди всех шли Шаддам и Ариката. Иллюминаторы ближайшего судна были ярко освещены; пилот ждал приказа. Император, Императрица и граф Фенринг ринулись в тесный пассажирский отсек. Шаддаму пришлось съжаться и опустить плечи, чтобы протиснуться в кабину; более хрупкий Фенринг помог Императрице войти в корабль, а затем скользнул следом.

Неподалеку другая группа беглецов направилась ко второму судну, тоже готовому к немедленной отправке. Преподобная Мать Мохайем в своем черном одеянии была похожа на встревоженную ворону. Полковник сардаукаров втолкнул Лето в императорский корабль, потом вошел сам и запер люк.

– Император на борту, взлетаем! – скомандовал он пилоту.

На крыше показалась еще одна группа аристократов, бросившихся к другим кораблям. Несколько сардаукаров остались на площадке, жертвуя собой для того, чтобы корабли могли беспрепятственно взлететь. Эти солдаты не пускали на крышу людей, толпившихся на лестнице.

Пилот поднял судно в воздух на гравидвигателях. Сила тяжести вдавила пассажиров в сиденья. Герцога прижало к плазовому иллюминатору; от резкого ускорения у него закружилась голова; корабль несколько раз повернулся вокруг своей оси, выровнялся и начал быстро набирать высоту, уходя из опасной зоны.

Посмотрев вниз, Лето увидел ярко освещенный музейный комплекс, яркие картины и бесчисленные маленькие фигурки людей, бегущих по залитым светом улицам. С поля космопорта один за другим, словно гигантские стрекозы, взлетали корабли. Лето облегченно вздохнул, осознав, что хотя бы некоторым людям удастся спастись.

Шаддам и Ариката пристегнули ремни безопасности. Фенринг прошмыгнул в угол каюты, где скорчился, прижав колени к груди. Лето и полковник старались удержаться на ногах, когда мощный рывок корабля бросил их на палубу.

– Не могу в это поверить, – простонал Шаддам. – Мой музейный комплекс, мой праздник!

– ...и все эти люди. – Лето окинул взглядом пассажирскую каюту. – Жаль, что мы не смогли спасти больше.

– На это не было времени. – Сардаукар прищурился и наморщил лоб. – Я рисковал, включив в число спасенных вас, Атрейдес, и не стану слушать ваших возражений.

– Вы же сказали, что таков приказ Императора.

– Я всегда чувствую, чего *желает* Император, – произнес баши и надолго замолчал. Интересно, что он хотел этим сказать?

У Лето болела душа. Он не мог не думать о своем пилоте и других членах экипажа. Он вспомнил, как радовался Арко, как горячо хотел купить сувениры для своей возлюбленной, для маленьких племянников. Несомненно, Арко и другие были в городе, осматривали местные красоты и заглядывали в магазины и лавки, пробуя экзотические деликатесы. Даже если они слышали предостережение Лето и успели вернуться на корабль, они не стали бы взлетать, не дождавшись своего герцога...

Он зажмурился.

– Может быть, это была ложная тревога? – спросил Фенринг. – Может быть, мы просто поддались панике?

– Нет, сир, – ответил полковник. – Предупреждение герцога Лето подтвердилось. Три поврежденных контейнера летят в направлении музейного комплекса.

– Будь проклят этот Якссон Ару! – рявкнул Шаддам. – Я требую найти его и казнить! Его смерть не должна быть легкой.

– Сначала нам надо избежать опасности, хм-м, сир, – возразил Фенринг. – Давайте повременим с местью до благополучного возвращения на Кайтэйн.

– Это же просто предметы, падающие с орбиты, – с сомнением в голосе заметила Ариката. – Как можно с такой точностью нацелить их на Императорский Монолит?

Сардаукар нахмурился, и Лето уже знал, что он ответит.

– Зона поражения от такого количества взрывчатки составит десятки квадратных километров, так что тщательное прицеливание здесь и не нужно.

Судно круто взяло вправо, ускорение усилилось. Пилот обернулся.

– Вот они! Я уступлю им дорогу.

Корабль дернулся назад, а потом завил из стороны в сторону, попав в зону турбулентности.

Лето увидел ярко светящийся оранжевый шар, несущийся в воздухе, – падающий ком расплавленного металла, похожий на древнее пушечное ядро, заряженное порохом. Вдали виднелись еще две оранжевые полосы, летевшие к поверхности. Лето уже приметил эти объекты на орбите, подлетая к Оторио, и еще тогда оценил их размеры и массу. Остановить подобные метеориты не было никакой возможности.

Шаддам побагровел, глядя на смертоносные снаряды. Борясь с ускорением, Лето выпрямился, чтобы лучше видеть, что происходит. Ужас, переполнявший его, был сильнее гравитации. На груди он ощутил прижатый силой тяжести портативный проигрыватель с посланием Джессики.

– Джессика... – прошептал он. – Пол...

Три массивных предмета ударились о поверхность Оторио один за другим, стерев с лица планеты новый город Императора.

Лето крепко зажмурился за миг до столкновения, но яркая вспышка все равно обожгла глаза сквозь плотно сомкнутые веки. Три взрыва означали смерть тысяч людей.

– Я никогда не смогу восстановить редчайшие экспонаты, – горестно проговорил Шаддам.

– Но зато мы уцелели, – сказал Фенринг, – благодаря проницательности герцога Лето Атрейдеса.

– Мы обязаны вам жизнью, – заметила Императрица Ариката.

Лето внутренне возмущен, но вслух лишь произнес:

– Да, мы уцелели. Я уцелел.

Далеко внизу бушевал океан пламени. Городской комплекс в мгновение ока превратился в озеро расплавленного камня.

– Можешь перевести дух, дорогой кузен, – сказал ему Шаддам. – Мы спасены.

Лето повернулся к иллюминатору и взглянул на чудовищную картину жестокого всеожжения.

* * *

Когда сон становится реальностью, а реальность обращается сном?
Принцесса Ирулан. «Книга о Муад'Дибе»

Уже не в первый раз Полу снилась эта таинственная девушка. Внутренним взором он видел силуэт молодой женщины, стоявшей на вершине скалы, на фоне заката, окрашивающего небосклон палитрой немыслимо ярких цветов. Закат, правда, был слишком желтым, тени – слишком резкими, а местность – слишком засушливой для Каладана.

На девушке был странный наряд: костюм облегал ее стройную фигуру, откуда-то из-под воротника ко рту тянулась трубка. Двигалась она легко, грациозно спускаясь со скалы, когда Пол как зачарованный пытался приблизиться к ней. Она не спешила, чтобы он не отстал, а потом вдруг нырнула в тускло освещенный туннель, прорубленный в камнях.

Во сне Пол был одет в мундир Атрейдесов, изорванный и помятый так, словно его владелец только что вышел из боя. Воздух был напоен сухим зноем и пылью. Пол торопливо следовал за девушкой в проход. Глаза его постепенно привыкали к полумраку.

Девушка оглядывалась, улыбалась и вела его дальше по туннелю.

Он догонял ее в пещере, где мог лучше ее рассмотреть. Она была приблизительно того же возраста, что и Пол. Ангельское лицо, темно-рыжие волосы и синие белки глаз – такого Пол не видел никогда в жизни. Он подавался вперед, чтобы взять ее за руку, и она снова одаривала его своей необыкновенной улыбкой. Пол каким-то скрытым чутьем понимал, что знает эту девушку, но не мог вспомнить ее имени. Он протягивал к ней руку... и видение исчезало.

Он проснулся от нехватки воздуха. Сел в постели, дрожа всем телом.

Пол был растерян и расстроен, его неодолимо тянуло к этой юной женщине. Он хотел вернуться в сон, но сон ушел, оставив его наедине с ее смутным образом и неуловимым ощущением прикосновения руки.

Пол закрыл глаза, стараясь отыскать девушку в темных закоулках памяти. Он со вздохом лег на спину и снова погрузился в сон, надеясь увидеть ее в дремотной пелене. Он отчетливо помнил сухой жар воздуха и пытался воспользоваться этим ощущением как ключом к драгоценному видению.

Пол уснул, и ему явился другой сон, но девушки там не было, несмотря на все старание ее найти.

Девушки не было, и найти ее он не смог, исчезла и скала. Теперь Пол стоял в полутемном коридоре какого-то замка. Каладан? Нет, это было другое место. Он пришел в огромное, массивное здание, чтобы предостеречь отца. Это было безотлагательно! Где-то там, впереди, в темноте, герцогине Лето угрожала смертельная опасность, настоящая опасность, и Пол должен был успеть вовремя! Коридор разделился надвое. Куда бежать?

Пол машинально свернул налево и бросился вперед мимо зловещных теней, почти ничего не видя в темноте. Он не думал о себе – сейчас самое главное успеть предупредить отца.

В коридоре стало светлее, хотя и ненамного, но теперь Пол мог различить мощный силуэт герцога и даже рассмотреть шапку его густых темных волос. Лето стоял спиной к сыну и смотрел куда-то в сторону.

– Отец! – изо всех сил крикнул Пол.

Герцог не двигался; кажется, он не услышал сына.

– Отец, тебе грозит опасность!

Ощущение ее было почти физическим. У Пола бешено колотилось сердце, хотя он и не знал, в чем именно заключается угроза.

Внезапно от ниш в стене отделились три одетые в черное фигуры наемных убийц, набросившихся на герцога Лето. На отце не было индивидуального щита, и убийцы беспрепятственно пронзили его своими кинжалами. Пол бросился вперед, чтобы вмешаться, но, когда он добежал, фигуры убийц уже растворились во мраке.

Умиравший отец, истекая кровью, лежал на полу, уставив на сына взгляд своих серых глаз. Он пытался протянуть руки, но не мог пошевелиться. Когда Пол склонился над отцом и прикоснулся к нему, Лето вдруг бесследно исчез под его пальцами, как и убийцы. На полу осталась только лужа крови.

– Отец! – истуканно закричал Пол.

От этого крика он проснулся и понял, что действительно кричал во сне. Плавающие светшары в спальне включились на полную мощность, и Пол увидел в дверях человека с обнаженным мечом.

– Молодой господин? Что с вами? – Это был Гарни Холлик – покрытый шрамами крепкий мужчина, оружейный мастер Дома Атрейдесов. Он быстро оглядел спальню, готовый в любой момент прикрыть от опасности наследника герцога, но не обнаружил никакой угрозы. – Слава богу!

Пол, дрожа, сел и свесил ноги с кровати.

– Со мной все в порядке, Гарни. Но с отцом что-то произошло! Ему угрожает великая опасность! Прямо сейчас.

Гарни недоуменно посмотрел на Пола, потер глубокий шрам на подбородке свободной рукой, не выпуская из другой меч.

– Отец далеко, на Оторио.

– Но с ним происходит что-то страшное. Герцог в большой опасности!

– Откуда вы знаете? – Гарни положил руку на плечо мальчика.

– Я просто знаю!

* * *

Я наслаждаюсь жизнью. Я наслаждаюсь смертью.

Барон Владимир Харконнен

В своей спальне, занимавшей целое крыло Карфагской резиденции, барон Харконнен только что мощной рукой задушил мальчика. Несмотря на это, он был до глубины души расстроен и сильно обозлен. Стараясь не задеть труп тощего юноши сломанной рукой, он столкнул его на пол. Юный наглец посмел сопротивляться и даже прокусил барону нижнюю губу! Теперь из нее сочилась кровь. Он коснулся раны и вполголоса выругался. Очередная травма!

О нападении мятежников на корабль напоминала боль в сломанной руке, закованной в гипс. Правда, рука успешно заживала. Еще лучше обстояло дело с раной на голове: от нее над ухом остался лишь глубокий рубец, скрытый под волосами. Да, не ожидал он такого сопротивления от этого раба, этого мальчика для утех... В следующий раз нужно будет воспользоваться более мощным наркотиком.

Не ожидал он подобной непокорности и от фрименской рвани! Еще одно расстройство. Сейчас он должен был присутствовать на императорском празднестве на Оторио, заниматься полезными делами, показать себя. Барон очень переживал, что Шаддам заметит его отсутствие, но еще больше он боялся, что Император этого отсутствия не заметит.

Барон медленно свесил босые ноги с кровати и взял со стола свой гравипояс. Опясавшись, он активировал устройство, и движения его сразу стали легкими и даже в какой-то мере изящными. К тому же барону нравилось ощущение легкого покалывания, вызванного антигравитационным полем.

Два молодых человека – оба чуть старше задушенного мальчика – отодвинули портьеру и вбежали в спальню с полотенцем и халатом. Юноши обернули полотенце вокруг бедер барона, пропустили концы между ног и закрепили застежками. Черный халат они набросили барону на плечи и затянули на поясе, а затем с подобострастными поклонами попятились назад.

Барон взглянул на стройное мертвое тело и согнул в локте здоровую руку.

– Подайте-ка мне этот хлам.

Юноши наклонились, подняли тело и положили его у ног барона.

Своей мощной рукой он взял труп за руки и легко – с помощью гравипояса – поволок к закрытому бронированному окну. Затем распахнул одну створку, впустив в комнату удушающий поток нестерпимо знойного воздуха, и взгромоздил податливое, как воск, тело на подоконник. Пока двое онемевших слуг наблюдали за ним широко раскрытыми глазами, Харконнен проталкивал труп в оконный проем. Вытолкнув тело, он понаблюдав, как оно, пролетев вдоль стены здания, рухнуло на покрытую песком улицу.

Обычно барон поручал подобные действия слугам, но иногда ему самому хотелось ощутить свою грубую силу и власть над жизнью и смертью. Эти красивые мальчишки были как свежие цветы – он мог срывать их и выбрасывать, заменяя новыми.

Он прекрасно знал, что последует дальше. Эти отчаявшиеся люди были такими предсказуемыми. Появились нищие уличные оборванцы, одетые в невообразимое тряпье поверх конденскостюмов, подняли труп и торопливо понесли его прочь. По слухам – а барон был склонен им верить, – они забирали тела, чтобы добывать из них воду. Какая же жалкая у них жизнь!

Выйдя из роскошно убранной прохладной спальни, барон вошел в лифт и проследовал в столовую, занимавшую целый этаж, где другие слуги сопроводили его к широкому креслу во главе огромного банкетного стола. Остальные стулья пустовали, но перед каждым лежали приборы.

В обеденный зал вошел Раббан в компании своего худощавого брата Фейд-Рауты, приехавшего в гости с планеты Гайеди Прим. Раббан двигался с грацией броненосца, а движения Фейда отличались плавностью и изысканностью. За братьями неслышно скользил ментат барона Питер де Врие с его вечно задумчивым видом. Губы ментата были покрыты соком сафо, словно запекшейся кровью.

Нянча травмированную руку, барон опустился в кресло, будто король, собравшийся вершить суд.

– Я голоден! – провозгласил он. – Зовите наших особых гостей.

В столовую вошла процессия из двадцати слуг, каждый из которых нес накрытое крышкой блюдо. Все они заняли места за спинками стульев, а один встал за спиной барона.

После того как племянники и ментат расселись, барон взмахнул здоровой рукой, зная, что дальнейшее действие отрепетировано в мельчайших деталях. С точностью часовых механизмов слуги одновременно сняли крышки с блюд, на которых лежали головы мертвых мятежников, пытавшихся захватить корабль барона. Для того чтобы все места за столом были заняты, Раббану пришлось убить еще нескольких подозрительных типов, найденных на улицах Карфага, несмотря на то что они не имели ни малейшего отношения к заговору. Какая, в конце концов, разница?

Глаза мертвецов были открыты и смотрели в лицо вечности.

Барон уставился на голову единственной женщины, пилота.

– Добро пожаловать на первый в вашей жизни аристократический банкет, моя дорогая!

Пока барон говорил, слуги внесли в зал другие блюда – с кушаньями. Трясаясь от страха, подданные накладывали еду в пустые тарелки перед мертвыми головами, выказывая издевательское гостеприимство и щедрость. Тем временем остальные слуги наполнили мясом тарелку барона, а затем и тарелки других живых гостей. Ядоискатели просканировали яства и нашли их безупречными.

Когда все было готово, слуги, пятась, неслышно покинули зал, оставив барона наедине с его мрачным пиршеством. Раббан и де Врие явно наслаждались этим зрелищем, но на лице Фейда-Рауты отражались лишь раздражение и нетерпение – ему хотелось одного: скорее вернуться в Харко-Сити.

Барон с вожделением смотрел на свою тарелку с жареным волчьим окороком и целиком запеченной куросвинкой, но не стал вгрызаться в блюда с обычным аппетитом. Он поднял сломанную руку и, нахмурившись, посмотрел на гипс. Если бы не это проклятое покушение, он бы сейчас пировал вместе с другими благородными господами в музейном комплексе Коррино на Оторио.

Раббан не стал ждать дядю и принялся, громко чавкая, пожирать мясо, пользуясь руками и ножом. Фейд и де Врие вели себя более изысканно.

Барон медленно переводил взгляд с одной отрубленной головы на другую. Мертвые глаза женщины, казалось, смотрели прямо на Харконнена с прежним вызовом. Надо позаботиться о том, чтобы весь Карфаг узнал о мстительном пире – возможно, это охладит горячие сердца фрименов. Нет, его солдаты и охрана недорабатывают.

Поправляясь от своих ран, барон не хотел, чтобы его видели слабым. Он не станет сообщать Императору Шаддаму или его верному псу Фенрингу о покушении; надо будет придумать другую причину своего отсутствия. Не вернется он и на Гайдри Прим, поскольку это могут расценить как бегство с Арракиса.

Наконец барон тоже принялся за еду, оторвав огромный шмат мяса, но успел насладиться всего одним куском. В зал вошел императорский посыльный в военной форме, не спросив разрешения и не представившись. Этот человек держал в руке украшенный орнаментом и гербом Коррино цилиндр.

– Милорд барон, я привез послание из императорского дворца.

Опасаясь, что Император прислал изъяснение своего неудовольствия, барон сальной рукой схватил цилиндр и сорвал с него замыкающее кольцо. Из цилиндра он извлек сверхпрочную бумагу, развернул и стал читать. Курьер неслышно исчез. Барон смертельно побледнел.

Фейд-Раута внимательно смотрел на него с нескрываемым любопытством.

– Что случилось, дядя? Вы, кажется, расстроились?

Не веря своим глазам, барон перечитал короткое сообщение о катастрофе на Оторио – о полном уничтожении нового императорского музейного комплекса.

– Это было самое живописное покушение!

Харконнен вкратце пересказал содержание послания, чем вызвал у присутствующих страх и трепет.

Питер де Врие вскочил со стула и поспешил к барону, чтобы самому прочитать сообщение.

– Шаддам уцелел?

Барон передал ментату письмо.

– Кажется, его вовремя эвакуировали, но погибли многие члены Ландсраада. Число жертв до сих пор подсчитывают. Обвиняют некоторых членов Содружества благородных.

Раббан перестал жевать.

– Мы же тоже должны были присутствовать там, дядя. Вас бы убили!

У барона по спине внезапно пробежал холодок.

– Да, я уже был готов к вылету... – Он посмотрел на окровавленные головы, которыми был уставлен стол, и обратился к ним: – Ну что ж, получается, ваше нападение спасло мне жизнь.

Застывшее лицо ближайшей мертвой головы никак не отреагировало на эту новость.

* * *

Внезапная смерть наносит глубокие раны душам оставшихся в живых.

Вред, причиняемый внезапным выживанием, не так заметен.

Доклад психологического отдела научно-исследовательской школы Сукк

Каладан встретил Лето безбрежным океаном, густым, напоенным разнообразными ароматами воздухом, пустошами, плодородными полями и добросердечными людьми.

Во время спешной эвакуации с Оторио в ту страшную ночь Лето был вынужден оставить там все, кроме своей жизни. Большинство же гостей, прибывших на праздник Коррино, не смогли сохранить и этого. Теперь, после долгой задержки, он вернулся домой с попутным торговым транспортом с Кайтэйна, имея на руках имперский паспорт и все необходимые документы. Ему не терпелось снова оказаться на Каладане. Судебный канцлер, высокий и печальный Били Ридондо, предлагал Лето дожидаться комфортабельного дипломатического рейса, но герцог настоял на немедленной посадке в первое же судно, следовавшее с остановкой на Каладане.

Лето до сих пор не оправился после пережитой трагедии, отзвуки которой звучали в его душе с неослабевающей силой. Он не мог забыть панической эвакуации, вида множества обреченных людей, оставшихся за его спиной, когда сардаукар тащил герцога к выходу. Перед глазами продолжало стоять жуткое зрелище падения трех раскаленных снарядов, испепеливших ярко освещенный город...

Оказавшись на борту лайнера Гильдии по прибытии на орбиту Оторио, Шаддам приказал немедленно брать курс на Кайтэйн. Навигатор Гильдии задержался, лишь чтобы принять на борт немногочисленные суда, успевшие взлететь с Оторио. У Лето сжалось сердце, когда он увидел, как мало кораблей успели это сделать. Печально, что его яхта с маленьким экипажем так и не смогла эвакуироваться. Она исчезла в адском пламени, которое пожрало и многих других.

Ознакомившись с результатами подсчета жертв, Лето обрадовался, что его старому другу эрцгерцогу Арманду удалось спастись с горсткой других аристократов. Спастись смогли немногим более ста человек – благодаря предупреждению Лето, прозвучавшему по громкой связи. Он изо всех сил старался отвлечься от переживаний, дать себе хотя бы мгновение покоя. Эти души уцелели благодаря ему. И он, герцог Лето Атрейдес, тоже остался в живых.

Но все остальные...

Слухи об атаке Якссона Ару распространялись по Империи как ударная волна, однако большинство подробностей были путаными и неопределенными. По приблизительным данным, погибли восемьдесят четыре важных члена Ландсраада, двести сорок один аристократ из Малых Домов и бесчисленное множество местных жителей, обслуживающего персонала, рабочих – этих людей погибло не менее десяти тысяч.

Оказавшись в имперской столице, охваченной хаосом и кризисом, Лето легко потерялся в этой суеде. Императрица Ариката, правда, написала ему письмо, в котором благодарила его за бдительность, спасшую Императора. Канцлер Ридондо обеспечил Лето всем необходимым –

одеждой, деньгами, едой, но не спешил с выдачей паспорта, без которого Лето не мог покинуть планету.

Пока Лето ждал, к нему обратилась Преподобная Мать Мохайем, настигшая герцога в одном из коридоров императорского дворца, и еще раз предложила нескольких подходящих невест для Пола, многие из которых прошли подготовку в Ордене Бинэ Гессерит. Лето счел предложения старухи докучными и неуместными, особенно в свете последних ужасных событий. Сейчас перспективы женитьбы Пола мало занимали герцога. Он отделался от Мохайем и отправился договариваться об отлете с Кайтэйна. Ждать оставалось всего час...

Когда корабль Гильдии прибыл на орбиту его чудесной океанической планеты, Лето смог наконец воспользоваться прямой связью и поговорить с Джессикой. Это стало первым событием, поднявшим ему настроение после катастрофы. На экране он видел радостную улыбку облегчения на прекрасном и милом лице. До этого момента Джессика не была уверена в том, что герцог жив; до нее доходили лишь обрывки слухов о происшедшей беде.

Когда пассажирский челнок отчалил от лайнера Гильдии и приземлился в космопорту Кала-Сити, Лето почти физически ощутил, как огромная тяжесть упала с его плеч. Открылся люк, к выходу подали трап, и все остальные пассажиры расступились, открыв дорогу герцогу. Он вышел из корабля первым, остро ощущая, что он и в самом деле жив. Он глубоко вдохнул свежий, пахнувший солью воздух. Несущиеся по небу облака предвещали вечерний шторм.

За ограждением взлетной полосы стояла огромная толпа в знакомых каладанских одеждах – рыбаки, рулевые, хозяева гостиниц, ремесленники, преуспевающие купцы и немногословные слуги. Слышался радостный ропот. Эта встреча взволновала Лето; его глаза затуманились от слез, но он сумел удержать их.

Впереди стояли Джессика и Пол, по сторонам от них – ментат Сафир Хават и Гарни Холлик; Дункан Айдахо держался за их спинами. Сердце Лето неистово забилося, когда они с Джессикой встретились взглядами; Пол рванулся вперед – четырнадцатилетний подросток с развевающимися иссиня-черными волосами, как у отца.

Лето спустился с трапа, и Пол буквально повис у него на шее.

– Я видел сон, в котором тебе грозила великая опасность!

Такая эмоциональность расстроила Лето, который не любил высказывать свои чувства на людях. Даже с леди Джессикой он всегда держался официально, допуская нежности только наедине с ней.

Он обнял мальчика за плечи, а потом отстранился на расстояние вытянутой руки, чтобы рассмотреть сына.

– Я спасся, Пол, но моя рана здесь. – Он прижал руку к сердцу. Память о трагедии будет долго преследовать его.

Из толпы навстречу Лето грациозной походкой величаво вышла Джессика, и Лето сразу заметил, что она изо всех сил, пользуясь ухищрениями Бинэ Гессерит, удерживается от того, чтобы броситься в объятия герцога, как это сделал Пол.

– Мой герцог, – произнесла она спокойно, хотя глаза ее горели, как хагальские изумруды.

– Моя госпожа.

Лето не мог больше сохранять холодную невозмутимость и пылко обнял любимую, чем вызвал шумное одобрение ликующей толпы.

Сафир, Дункан и Гарни, выждав несколько секунд, тоже поприветствовали герцога. От широкой улыбки шрам на лице Гарни стал похож на свернувшуюся багровую змею.

Подобно неудержимому потоку, остальные люди рванулись к герцогу. Казалось, каждый хочет похлопать его по плечу, но Сафир, Гарни и Айдахо ненавязчиво оттесняли в сторону самых напористых.

От толпы отделился бородатый человек в тяжелой коричневой накидке. На голове его красовалась прямоугольная шляпа, на которой был вышит лист папоротника. Над глазами

нависали кустистые брови, взгляд был живым и пронизательным, а сквозь густую бороду проглядывала приветливая улыбка.

– Я пришел, чтобы лично встретить вас, мой герцог. Не часто появляюсь я в столь многлюдных местах. – Он окинул взглядом космопорт и город, стараясь скрыть неловкость. – Эти огромные здания вызывают у меня смущение.

– Вы оказываете мне честь, архивикарий, – ответил на приветствие Лето.

Архивикарий Тороно возглавлял древнюю религиозную секту Муадх и считался глубоко уважаемым человеком в северных аграрных районах Каладана. Последователями этой созерцательной мирной религии были фермеры, выращивавшие рис-панди. Муадхи поклонялись земле, проповедовали мир и больше всего заботились о добрых урожаях, что нашло отражение в цветах их эмблемы – коричневый цвет символизировал землю, а зеленый – рисовые поля.

Тороно еще раз поклонился.

– Когда мы узнали, что случилось на императорском празднике, я обратился к моим последователям. Мы молились за вас, герцог Лето, мой герцог. Я пришел, чтобы лично сообщить вам об этом. Муадх возрадовался тому, что вы вернулись домой целым и невредимым. Герцог Каладана – это и есть Каладан, живущий среди нас. – Он расставил пальцы и наклонился, чтобы коснуться ими земли, а потом выпрямился, словно вытягивая из почвы невидимые нити, связывающие людей с миром. Затем он раскинул руки, будто желая поделиться всем своим богатством. – Я принес вам наше благословение.

Торжественный момент состоялся, и люди снова радостно загомонили. Лето посмотрел на сына, на любимую наложницу и ответил религиозному вождю:

– Благодарю вас, архивикарий. Я действительно благословлен.

К вечерней трапезе в столовой Каладанского замка Лето снова переоделся в свой обычный наряд и был очень доволен, что ему наконец можно снять одежду, подаренную имперским канцлером. Какое это счастье – сидеть вместе с семьей в доме предков!

Каладан был его плотью и кровью, а морские ветры планеты вплелись в его гены. После долгой череды поколений предков, лежащих в могилах и покоящихся на морском дне, разве могло быть иначе?

Он посмотрел на портрет своего отца, старого герцога, одетого в костюм матадора. На картине герцог был запечатлен со своей неизменной, уверенной и веселой улыбкой, которую так любил и ждал его народ. Лето расположился у противоположного конца стола, а за его спиной к стене была прикреплена голова салузанского быка, убившего старого Паулуса. Прозрачная водонепроницаемая пленка сохранила пятна крови на рогах чудовища.

Леди Джессика сидела рядом со своим герцогом, одетая в официальное платье, и смотрела не на голову быка, а на Лето. Пол был одет в форму молодого герцога, наследника престола. По просьбе Лето повара приготовили традиционные каладанские кушанья – глазированную медовую лунную рыбу, приправленный пряностями рис-панди и ломтики сладкой параданской дыни. Лето наслаждался уютом своего дома.

На ужине присутствовал Дункан Айдахо, а кроме него, еще и Хават, Холлик, ряд советников, министров и торговцев. Все они собрались отметить возвращение Лето, хотя он сам не думал сейчас о делах. Но они не терпели отлагательства, и Лето не должен был перекладывать ответственность на плечи своих заместителей.

Хават механически жевал еду, но было видно, что его ментатский ум занят обдумыванием куда более важных вещей. На губах его виднелись следы сока сафо, который он употреблял, чтобы стимулировать умственную работоспособность. Когда унесли первую перемену блюд, старый ветеран Сафир заговорил:

– Каладан в безопасности, мой герцог. После вашего отъезда министры вели дела, вникая в мельчайшие детали. Разрешите воспользоваться этой возможностью, чтобы коротко ввести

вас в курс дела, и тогда вы будете полностью осведомлены о том, что происходит сейчас в ваших владениях

Ментат взглянул на свои руки, словно на них был написан доклад.

– Рис-панди остается самой выгодной статьей каладанского экспорта, как в отношении объемов, так и в отношении денежной выручки. Урожаи стабильны в течение многих поколений. В качестве долгосрочной стратегии нам стоит подумать об усовершенствовании сельскохозяйственной техники, чтобы повысить урожайность риса на террасах.

– Фермеры, выращивающие рис, большие традиционалисты, – сказала Джессика. – Они действуют по одной и той же схеме вот уже много поколений. Они могут оскорбиться, если мы попытаемся... что-то улучшить.

Подумав о верности архивкария и его последователей, свидетелем которой он сегодня стал, Лето согласился с Джессикой:

– Я доволен теми методами, к которым прибегают земледельцы, чтобы выращивать рис-панди. Неужели так уж необходимо обязательно улучшать то, что мы имеем? Пусть Харконнены выжимают все больше и больше из своих людей и планет, но такое не в обычае Дома Атрейдесов.

Хават умолк, затем сменил тему:

– Что касается других статей экспорта, то можно отметить оживление спроса на лунную рыбу. – Он протянул герцогу доклад, который тот сейчас не особенно хотел читать. – Северные рыболовецкие артели разрослись так, что мы теперь можем поставлять больше филе и дешевых субпродуктов. Спрос в Империи повышается, так как растет покупательская база. Многие лорды Ландсраада оценили вкус лунной рыбы.

– Будем надеяться, что не все они погибли на Оторио, – тихо произнес Лето. Присутствующие умолкли, почувствовав неловкость.

Хават посмотрел на человека в строгом костюме, сидевшего чуть дальше за столом.

– Министр торговли Веллан больше моего разбирается в состоянии рынка лунной рыбы. Недавно он лично посетил рыболовецкие предприятия...

– Пусть говорит сам, Сафир, – сказал Лето, с трудом сдерживая нетерпение, – и пусть скорее закончит доклад, чтобы я мог спокойно поесть.

Министр занервничал, как будто его застигли врасплох. Глаза его блестели так, словно были покрыты тонкой пленкой треснувшего стекла.

– Да, наше рыболовство растет и развивается. Рыболовный промысел находится в частной собственности, но регулируется указами, изданными вашим отцом, милорд. Предприятия велики – они сельского типа, однако работают эффективно. Общие сложности, связанные с разведением лунной рыбы, например, уникальные требования к нерестилищам, представляют серьезную проблему, но с помощью звуковых панелей, издающих успокаивающие рыб мелодии, мы разводим столько, сколько нужно. – Он положил на стол толстую кипу бумаг; руки его заметно дрожали. – Все подробности изложены здесь.

Лето посмотрел на недоеденный ужин и на секунду закрыл глаза, чтобы отвлечься. Затем снова открыл их.

– Я просмотрю документы позже. Сейчас же я хочу побыть с сыном и леди. – Осознав, что слова его прозвучали излишне жестко, Лето взял себя в руки и едва заметно повел плечами, словно поправляя невидимую герцогскую мантию на плечах. – Прошу прощения, министр. Я вижу, что дела на Каладане идут хорошо, и завтра я внимательнейшим образом изучу ваш доклад.

Гарни Холлик наклонился и извлек из-под стола бализет, пристроил его на коленях и ударил по струнам.

– Быть может, вы хотите послушать музыку, милорд?

– В самом деле, Гарни, я так давно ее не слушал.

Джессика прикоснулась к руке герцога, дав ему знать, что все это время она была с ним душой и сердцем. Он ласково улыбнулся, оглядел лица присутствующих и сказал:

– После зрелища на Оторио и суетного блеска Кайтэйна Каладан кажется мне лучшим местом в мире!

* * *

Любая новость основывается на факте, или на вымысле, или на сочетании первого и второго и преподносится под определенным углом зрения. Истиной владеет тот, кто управляет этими процессами.
Граф Хасимир Фенринг

Весь блеск Империи не мог отвлечь графа Фенринга от потрясений и хаоса, в которые внезапно погрузилось все после атаки на Оторио. Император Шаддам полагал, что пребывает в состоянии войны с коварными мятежниками.

Фенринг вошел в императорский аудиенц-зал в сопровождении маленького тщедушного человечка с непропорционально большой головой. К несчастью, это появление выглядело не слишком эффектным. Человечек шел очень странно, все время отклоняясь от прямой линии и делая прихотливые зигзаги, а затем возвращаясь к верному исходному направлению. Фенринг, потеряв терпение, схватил спутника за искривленную кисть, напоминающую паучью лапку, и потащил к трону.

Падишах-Император сидел на массивном голубовато-зеленом троне, высеченном из хагальского кварца. Рядом, на троне поменьше, восседала Императрица Ариката, внимательно и с большим интересом рассматривавшая необыкновенную пару. Подле нее скромно стояла пожилая женщина в темной одежде Ордена Бинэ Гессерит, Вещающая Истину Мохайем, которой также едва удалось бежать с Оторио.

Шаддам пребывал в неважном расположении духа, но лицо его просветлело, когда он увидел Фенринга.

– О, Хасимир! Нам надо обсудить множество важных планов. – Он наморщил лоб, изображая великую озабоченность. – Я вижу, ты привел с собой неудавшегося ментата. Он... дееспособен?

Фенринг отошел в сторону от непрестанно пританцовывавшего спутника, приблизился к трону и отвесил небрежный поклон.

– Я вынужден терпеть странности и особенности Грикса Дардика, чтобы в полной мере пользоваться плодами его гениальности. – Он улыбнулся. – Во имя Империи мы нуждаемся в прозрении. В конце концов, именно он отыскал записи об Оторио, затерянные в пыльных архивах. – Фенринг искоса взглянул на странного человечка, который, казалось, был поглощен созерцанием собственных ботинок. – Если уж он оказался способным отыскать для вас целую пропавшую планету, сир, то есть ли что-то, чего он не смог бы найти? Содружество благородных прячется в темной норе, и мы должны выкурить его оттуда...

С высоты трона Император принялся пристально разглядывать странного компаньона Фенринга. Новая супруга Шаддама склонилась к его уху и что-то тихо сказала. Фенринг не мог расслышать всего, но понял, что Ариката просит дать ей какую-то имперскую должность. Фенринг знал, что Ариката постоянно требует у супруга дополнительных полномочий и важных обязанностей. Другим Императрицам редко позволялось вообще находиться вместе с Императором в тронном зале.

Их отношения разительно отличались от отношений Императора с его прежними пятью женами, двух из которых Фенринг с трудом переносил, а остальных всей душой презирал и

ненавидел. Он пока не мог решить, станет Ариката полезным союзником или досадным препятствием. Ясно было одно – царственным супругом она вертит по своему усмотрению.

Фенринг ждал, а Император тем временем выслушивал жену, которая убеждала его поручить ей новые обязанности.

– Теперь, когда погибли многие члены Ландсраада, вам как никогда нужны люди, которым можно доверять, – говорила она. – Я могла бы взять на себя более сложные дипломатические задачи.

– Доверие в наше время вещь трудная, моя дорогая, – ответил Император. Посмотрев на Фенринга, он повысил голос: – Насколько мощным является это движение Содружества благородных? Как нам найти злодея Якссона Ару и привлечь его к ответу?

– Именно это нам и предстоит разузнать, сир.

Покосившись на приплясывавшего ментата, Фенринг заметил, что взгляд Дардика странно блуждает. Пришлось вернуть этого человека к реальности, иначе его сомнамбулизм мог затянуться на много часов, а ментат нужен был Фенрингу здесь и сейчас.

Он резко окликнул Дардика по имени и заметил, что ментат дернулся, но продолжил закатывать глаза. Фенринг вновь позвал его, и взгляд безумца несколько прояснился.

– Мы пришли сюда для важного доклада. Ты должен помочь нам разрешить тяжелейший политический кризис.

Дардик был блестящим мыслителем, но его надо было постоянно направлять. Этот маленький человечек не смог стать полноценным ментатом из-за личностных нарушений и неспособности к живому общению. В школе ментатов он отличался патологической склонностью к раздражающим пустым спорам, дебатам и даже смертельным дуэлям.

Но Фенринг и сам обожал ожесточенные дебаты, ибо они оттачивали его ум, и, несмотря на то что эксцентричный гений превосходил его в силе мышления, Фенринг мог легко одолеть ментата в единоборстве. Дардик получил достаточное количество травм от Фенринга, чтобы до конца это осознать, и теперь отношения двух людей находились в превосходном балансе.

Как только Дардик снова стал понимать, где находится, Фенринг развернул его лицом к тронному помосту и вновь обратился к Императору:

– Сир, мой ментат будет говорить с вами сам, но мне придется вмешиваться, хм-м, если вдруг он забудется. Он, конечно, абсолютно лишен светских манер, но его гениальность стоит того, чтобы это терпеть.

– Я желаю услышать, что он скажет, – серьезно произнес Император.

Шаддам сделал жене знак, что разговор с ней пока окончен, и снова заговорил с графом:

– У меня есть мои придворные ментаты, Хасимир, а этот ухитрился даже не получить свидетельства. Мне нужны лучшие советы в той неотложной ситуации, в которой мы оказались.

Фенринг поджал губы.

– Сир, он оказался прав, заподозрив существование Оторио, не так ли? Так давайте все же его послушаем.

Император вздохнул.

– Говори, ментат, и постарайся выражаться коротко и без обиняков, мое время дорого.

– Ментат никогда не употребляет лишних слов, – возразил Дардик. – Мое время тоже дорого.

Фенринг едва не убил его на месте.

– Говори о своих открытиях и докажи собственную ценность!

Неудавшийся ментат горделиво выпрямился.

– Итак, резюме: больше года назад я открыл предположительно потерянную планету Оторио, которую вы затем выбрали местом строительства нового имперского музейного комплекса. В свете недавних событий я исследовал данные об этой планете более тщательно. Я уве-

рен, что немыслимый террористический акт Яссона Ару является чем-то бóльшим, нежели простым жестом политического протеста. В этом действии есть и личный интерес.

– Личный интерес? – переспросил Шаддам. – Мне ясно одно – это безумец, решивший убить меня и разрушить Империю.

– Это была также атака и на Оторио как таковую, а не только нападение на вас, – сказал Дардик, а затем, после некоторой паузы, добавил: – Сир.

Он несколько раз закрыл и открыл глаза, словно проверяя свои выводы.

– Я нашел убедительное доказательство того, что предположительно потерянная планета была непризнанным владением обширного семейства Ару, каковое оно использовало в качестве тихой гавани на протяжении нескольких поколений. После отстранения от должности в компании КАНИКТ Брондон Ару, отец Яссона, был отправлен на Оторио фактически в изгнание. Якссон проводил на Оторио много времени в качестве опекуна и охранника отца.

Ментат что-то промывчал, словно вспомнив, что упустил некую важную информацию.

– Мать Яссона, Малина Ару – ур-директор, а его брат, Франкос – президент и публичное лицо компании. У Малины Ару есть еще дочь, Джалма, жена графа Учана с планеты Плисс. Интересно отметить следующее: граф Учан стал одной из жертв массового убийства на Оторио.

Неудавшийся ментат неустанно сыпал подробностями, а Шаддам пытался связать факты воедино.

– Ты хочешь сказать, что незначительная планета, которую я выбрал местом музея Коррино, на самом деле является крепостью КАНИКТ?

– Возможно, хотя это и не доказано. Однако, сир, вероятно, что Оторио была оккупирована семейством Ару лично, и ваш музей уничтожил, растоптал это фактическое наследственное держание.

Шаддам побагровел.

– Одно из богатейших и могущественнейших семейств Империи сумело скрыть от нашего внимания целую планету и не платило нам никаких налогов на нее? Сколько же времени это продолжалось?

В разговор вмешалась Императрица Ариката:

– В ведомстве регистрации гостей отметили отсутствие представителей семейства Ару. Знали ли они о заговоре заранее? Они не прибыли на Оторио, заботясь о собственной безопасности?

Фенринг уже предвкушал ответ, но молчал, стараясь сохранить остроту интриги.

Шаддам напряг память.

– Мне приходилось встречаться – естественно, по дипломатическим делам – с президентом КАНИКТ и даже с ур-директором Малиной Ару. Но Якссон Ару? Я не помню его ни на одном изображении в отчетах о встречах. Я могу его знать?

Фенринг несколько не удивился забывчивости Императора.

– Да, сир, но, хм-м, вероятно, та встреча не произвела на вас большого впечатления.

– Кажется, я помню его мальчиком – он был очень активным и нервным ребенком, – сказал Шаддам. – Мать держала при нем врача, который успокаивал Яссона. Он был просто несносен.

Дардик продолжил:

– Якссон был паршивой овцой семейства. Его выслали на Оторио вместе с отцом, вероятно, для того, чтобы он не создавал проблем.

Неудавшийся ментат начал подробно излагать, как именно ему удалось прийти к таким выводам, но это была уже просто умственная гимнастика, и Император перестал его слушать. Шаддам откинулся на спинку исполинского трона и потер подбородок, а затем поднял руку, давая ментату знак умолкнуть, но тот продолжал говорить как заведенный.

Фенринг ткнул Дардика кулаком в бок.

– Довольно!

Ментат растерялся и произнес еще несколько слов, прежде чем окончательно замолчать. Император отпустил обоих.

– Теперь идите, мне надо обдумать услышанное.

Фенринг поклонился, а затем схватил за руку ментата и поволок его прочь из тронного зала. Дардик уже успел настолько глубоко погрузиться в свои мысли, что едва ли мог идти самостоятельно.

* * *

В жизни мало таких страшных моментов, как тот, когда сын сталкивается с реальностью смерти отца.

Герцог Лето Атрейдес. Введение к авторизованной биографии старого герцога Паулуса Атрейдеса

Не все обязанности Лето как правителя Каладана были радостными и приятными. Сегодня он должен был исполнить тяжкий долг. Он не мог, не имел права поручить столь важное дело кому-то другому. Сердце его ныло, но он держал себя в руках.

Жена Арко, пилота космической яхты Лето, выглядела усталой, постаревшей от свалившегося на нее горя и нелегкой жизни. Лето вспомнил, что Арко всегда называл ее «любимой», хотя они были женаты много лет.

Вдобавок к тоске по погибшему на Оторио мужу она испытывала робость в присутствии Лето, который принял ее в отдельном кабинете Каладанского замка. Она коротко поклонилась, а потом откинула назад свои тронутые сединой волосы.

– Вы оказали мне честь, мой герцог. Вам не было нужды приглашать меня... Я все понимаю.

Лето ласково положил руку на сильное плечо женщины; он и сам был смущен не меньше ее.

– Это ваш муж оказывал мне честь своей верной службой, – сказал он. – Я взял его на Оторио в награду, а он из-за этого потерял жизнь.

Женщина быстро подняла голову.

– Это не ваша вина, милорд! Я знала Арко много лет, и это путешествие на Оторио стало самым волнующим событием в его жизни. Он был очень горд тем, что вы выбрали его. Даже если бы он знал о риске, он все равно захотел бы быть вашим пилотом.

Сердце Лето сжалось. Он понимал: члены его свиты, оказавшись в западне, до последнего надеялись, что герцог найдет возможность спасти их. Но они остались там и были убиты ужасными взрывами.

– Первая обязанность герцога – безопасность его народа, – сказал Лето, глядя ей в глаза. Этому научил его отец, и то была основа кодекса членов Ландсраада. – Я не справился с этой обязанностью, но позабочусь о том, чтобы ваша семья отныне ни в чем не нуждалась.

Он уже встретился с членами семей других погибших, но встречу с этой несчастной женщиной отложил на самый конец, осознав, что разговор с ней будет еще тяжелее, чем предыдущие.

Жена Арко расплакалась.

– Вы так добры к нам, герцог Лето.

Он хотел было сказать, что не заслуживает такого отношения, но сейчас подобные слова прозвучали бы пусто и фальшиво, их можно было бы счесть неуважением к верности пилота, к его жертвенности. Нет, сейчас не время и не место. Лето сделает все, чтобы поддержать эту мужественную женщину, и даже больше.

– Через два дня я проведу церемонию в Бухте Полумесяца, чтобы почтить память вашего мужа и других, погибших на Оторио. Будет полная луна.

Женщина тяжело вздохнула.

– Благодарю вас, мой герцог! Мы с детьми непременно придем туда.

Она вышла, охваченная горем, но не сломленная.

Лето физически ощущал тяжесть этих смертей. *Первая обязанность герцога – безопасность его народа.* Он подумал об Арко и его товарищах, о том, как горели их глаза, когда они улетали с Каладана, с каким восторгом рассматривали они красоты обновленной планеты, в особенности имперский комплекс, с каким наслаждением пробовали редкие деликатесы, как радовались потрясающим, умопомрачительным видам. Вдова Арко была права. Посещение Оторио могло бы стать самым волнующим моментом в их жизни. Лето думал, что это путешествие будет для них наградой, но...

Два дня спустя Лето, Джессика и Пол присутствовали на памятной церемонии под белым светом полной луны. Был прилив, заполнивший Бухту Полумесяца – идеально ровную, защищенную от бурного океана и расположенную к северу от Кала-Сити. На это печальное торжество собрались осиротевшие семьи вместе с друзьями и знакомыми. Сотни людей совершили неблизкий путь к северу на транспорте, а многие и пешком. Охваченные трауром люди стояли на серой гальке у кромки воды.

Родственники погибших зыстыли, скорбно опустив головы. Один высокий худой мужчина держался особняком – это был младший брат одного из членов свиты. Он вздрагивал от неудержимого рыдания. Лето подошел к нему, положил руки ему на плечи и крепко обнял. Герцог приказал изготовить венки из прекрасных лилий и вплести в них белые звездные цветы, по одному за каждого погибшего на Оторио. Венки лежали на перилах низкой рыбацкой пристани, выступавшей в бухту. Сопровождаемый Полом и Джессикой Лето прошел к концу пристани и повернулся лицом к людям.

Он вдохнул, готовый заговорить. Он умел говорить, и люди всегда внимательно его слушали, но на этот раз слова застряли у него в горле. Он постоял несколько секунд в напряженной тишине. Пол взглянул на отца и ободряюще кивнул. Джессика решительно, но очень тепло посмотрела на своего герцога и взяла его за руку.

Лето почерпнул силу из этого прикосновения, из внимания собравшейся толпы. Его народ оплакивает своих детей. Во всех этих смертях и разрушениях был повинен главарь мятежников Яксон Ару. Арко и остальные стали лишь случайными жертвами. Как несправедливо! Членам свиты Лето не было никакого дела до имперской политики, но они погибли из-за нее.

– Я помню и оплакиваю каждого из тех, в память кого мы здесь собрались. Каждый из них был особенно дорог вам и мне как их герцогу.

Он стал называть имена погибших, чтобы люди ощутили всю глубину его сочувствия. Так у Атрейдесов было принято выражать заботу о народе. Падишах-Император едва ли смог бы понять такое отношение.

Лето посмотрел на прекрасные венки из лилий.

– Ты поможешь мне, Пол?

Сын выступил вперед, и вместе они подняли первый венок. Лето произнес имя Арко, положил венок на воду и оттолкнул его от берега. Венок поплыл, залитый ярким лунным светом. Пол поднял второй венок, не дожидаясь подсказки отца, произнес следующее имя и пустил венок по воде. Лето гордо улыбнулся.

Имя третьего погибшего произнесла Джессика. Втроем они погрузили в воды бухты все венки. Цветы величаво и торжественно плыли по мелкой ряби. Полная луна освещала скорбное собрание, тем не менее вселяя в людей мужество.

Через несколько мгновений до слуха Лето донесся какой-то приглушенный звук. Он обернулся и взглянул на спокойные воды бухты, на которых покачивались венки. Бухта была домом для множества светящихся медуз, плывших теперь к цветам. Подобно галактикам сияющих бледно-голубых звезд, светящиеся создания окружили венки, увлекая их за собой, словно души погибших, отправляющиеся в последний путь в глубины океана.

Люди на берегу затаили дыхание; Лето заметил, что многие даже улыбались. Он любил свой народ. Лето смотрел на серебристых медуз и шептал слова благодарности людям.

Потом он перевел взгляд на Джессику и Пола, на две опоры, на которые он всегда мог положиться. Он обернулся к народу и возвысил голос:

– Я благодарю вас.

Юный Пол был поглощен внезапно охватившими его мыслями о смерти и бренности бытия. В большом обеденном зале Каладанского замка он долго смотрел на голову чудовищного быка, на кровь деда, покрывавшую рога страшного животного. Много лет назад Лето рассказал ему ту историю.

– Это предание Дома Атрейдесов, ты должен знать его и никогда не забывать, но не плакать, думая о нем. Помни о величии своего деда, и когда-нибудь ты станешь таким же сильным, как он.

Пол тогда был еще маленьким мальчиком, но поклялся отцу быть сильным:

– Да, сэр.

Теперь же эта висевшая на стене голова стала пронзительным напоминанием о том, что и его отец едва не погиб. На Оторио сгинули тысячи невинных людей. Если бы герцог Лето оказался в другой части зала, если бы тот баши не вывел его на крышу к кораблю – а это была чистая случайность! – Лето бы погиб. Просто испарился бы в адском пекле вместе с музейным комплексом.

По спине Пола пробежал холодок. Несмотря на то что отец отправился на императорский праздник без особого воодушевления, он все же сделал это, чтобы исполнить свои политические обязанности, будучи представителем Каладанского Дома Атрейдесов. И он едва не пал невинной жертвой страшного террористического акта. Какая тонкая грань отделяет нас всех от смерти!

Оглядываясь назад, Пол даже не мог припомнить, попрощался ли он с отцом перед его отлетом на Оторио. Скорее всего, это было небрежное прощание, без всякого ощущения, что, возможно, они прощались навсегда.

Если бы герцог Каладана погиб, что случилось бы с Полом и его матерью? Он был единственным сыном, бесспорным наследником, но имелся ли у четырнадцатилетнего мальчика достаточный политический навык, чтобы удержать Дом Атрейдесов, оградить его от маневров и интриг, с которыми ему неизбежно пришлось бы столкнуться в Ландсрааде? Почувствовав его слабость, не попытались бы другие семейства отстранить от власти незаконного сына Атрейдеса?

Он вдруг понял, что такое положение – после трагедии на Оторио – может теперь сложиться на десятках планет.

Пол тяжело вздохнул, рассеянно переводя взгляд с одного предмета на другой. Он был подавлен. Герцог Лето желал всего самого лучшего для своей семьи, для своего сына. Он заботился об обучении сына: у мальчика были лучшие инструкторы и учителя, и он делал все, чтобы оправдать отцовские надежды. Отец возложил на него тяжелое бремя, но и Пол не щадил себя.

Пока юный Пол скромно стоял в обеденном зале, старший лакей, смуглый мужчина в герцогской ливрее, следил за работой ядоискателя – прибора, напоминающего большого паука, висевшего над длинным столом. Тихо напевая, лакей подносил каждый датчик прибора к блюду с отмеренными порциями ядовитых порошков и жидкостей. Небольшие индикаторы

загорались красным, когда лакей, продвигаясь вдоль стола, проносил датчик мимо блюда, и снова зажигались зеленым, когда он проходил дальше. Сафир Хават с недовольной миной наблюдал за калибровкой от двери – впрочем, это была обычная манера поведения руководителя службы безопасности.

Один из датчиков не сработал, и Сафир коротко приказал человеку в рабочей одежде:
– Замените весь комплект и проверьте его заново.

Человек бросился выполнять приказ. Даже здесь, на Каладане, приходилось сохранять бдительность, все время опасаясь возобновления войны ассасинов, в которой едва уцелели и Сафир, и Дункан. Существовали правила ведения войны между благородными Домами, и каждый аристократ знал эти правила, но случались и ошибки, после чего виновные приносили свои извинения... Однако бывали и исключения.

Пол ничего не принимал как само собой разумеющийся дар судьбы, понимая, что именно он станет первой мишенью для любых врагов, ибо олицетворял будущее Дома Атрейдесов. Однажды герцог Лето открыл ему суровую истину:

– Для меня потерять сына – значит потерять будущее.

Именно поэтому он настаивал, чтобы Пол всегда был настороже, вырабатывал в себе способность оценивать любые ситуации и учился заблаговременно составлять план, ориентируясь на ту или иную обстановку. Эти тревожные слова было тяжело слушать, но Пол предпочитал узнать правду, чтобы не пасть жертвой собственного невежества. Следующее напутствие отца, запомнившееся Полу, светило ему, как маяк в ночи: «Готовься жить».

Остальные вызовы Пол встречал, как подобает сыну герцога. Согласно жестким правилам аристократии Империи он был всего лишь бастардом, «условным» наследником. Лето называл Джессикку своей законной наложницей, что обеспечивало определенные гарантии, но все могло измениться в один момент, если бы политическая выгода вынудила отца жениться на дочери какого-нибудь другого благородного семейства, как он едва не поступил однажды, когда хотел заключить брак с Илезой Икац. Лето поклялся Джессике, что второго раза никогда не будет, что он не примет больше ни одного предложения. Полу очень хотелось в это верить.

Пол знал, что если бы Лето погиб на Оторио, то Сафир, Гарни, Дункан и войска Атрейдесов остались бы верны ему как сыну герцога, но Император Шаддам IV мог легко передать Каладан под управление какого-то другого благородного Дома. Было страшно даже подумать об этом.

Несмотря на то что Пол любил и даже, пожалуй, боготворил отца, он мысленно постоянно упрекал его за нежелание жениться на матери. С одной стороны, такое решение было мудрым, но с другой – неразумным. Как заметил однажды Сафир Хават во время занятий по тренировке мышления, в подобных делах Пол не может быть бесстрастным наблюдателем.

Покончив с калибровкой ядоискателя, лакей и его спутники ушли, и Пол остался в зале один. На столике у стены он обнаружил бумагу и ручку; он взял их и сел на свое место за обеденным столом, по правую руку от отца. Ему надо было привести в порядок и записать свои мысли. Он смотрел на чистый лист бумаги, пытаясь переплавить собственные эмоции в слова.

Он едва успел написать несколько неровных строчек, когда в зал вошел Лето. Увидев отца, Пол отодвинул листок в сторону, чтобы скрыть то, чем занимался.

Лето нахмурился.

– Между нами появились секреты, сынок?

– Никаких секретов. Я решил написать тебе письмо. Я думал, что на бумаге смогу лучше изложить свои мысли.

Сначала Лето позабавили слова сына, но потом он заметил, что Пол абсолютно серьезен.

– Вот как? И о чем же ты решил мне написать?

– Я лучше все-таки напишу, чтобы подобрать правильные слова и фразы, но... – он сделал глубокий вдох, – но, пожалуй, я сделаю это сразу, сейчас.

– Похоже, это очень серьезно. – Лето занял свое место и облокотился на стол, глядя на Пола так, словно тот был прибывшим с другой планеты дипломатом.

Стараясь совладать с нахлынувшими мыслями, молодой человек рассказал отцу обо всем – о чувстве неопределенности, о тревоге за себя, свое будущее и будущее Дома Атрейдесов, о матери. После короткой паузы, заметив, что герцог внимательно его слушает, Пол выразил свой страх – и гнев – оттого, что едва не потерял отца. Лето действительно чудом избежал смерти, но ее близость потрясла Пола до глубины души.

Лето не стал перебивать сына. Когда Пол высказал все, что хотел, уверенный, впрочем, что его рассказ был не более чем сбивчивой мешаниной бессвязных предложений, он закончил словами:

– Вот что я хотел написать в письме.

От волнения руки и голос его дрожали, но он изо всех сил старался совладать с эмоциями, вспомнив уроки матери, однако техника Бинэ Гессерит на этот раз не помогла.

Лето долго обдумывал свой ответ.

– Ты мой сын и наследник, Пол, и это известно всем. Я высоко ценю твое мнение, но имперская политика налагает определенные обязательства на человека моего положения.

Пол ощутил в животе ледяной ком. О чем говорит отец?

Лето продолжал:

– Ты изучал историю и политику, кодекс Ландсраада, Великую Конвенцию, правила ведения конфликтов и заключения союзов между Домами. Дом Атрейдесов – Великий Дом, впрочем, не особенно могущественный, и подобное положение вещей сейчас вполне меня устраивает. Мои братья в Ландсрааде относятся ко мне терпимо, но после массового убийства на Оторио, боюсь, значительная часть нашей социальной ткани сомнется, а местами, вероятно, и порвется. Нас ждут великие потрясения, и многие условия могут измениться.

Пол почувствовал, как вспыхнуло его лицо. Неужели отец снова думает о политическом браке, что неизбежно изменит роль как его самого, так и матери? Он ощутил, как под ним заколебалась почва, и встал на ноги, не желая слушать оправданий отца.

– Простите меня, сэр, я вернусь в свою комнату, чтобы обдумать ваши слова. – Он изо всех сил, хотя и тщетно, постарался скрыть от Лето свое потрясение. – Я постараюсь понять их.

* * *

Я столкнулась с конфликтом собственных обязательств и приняла решение.

Леди Джессика

На следующее утро Пол сошелся с Дунканом и Гарни в схватке с использованием индивидуальных защитных полей. Учителя заставляли Пола выполнять сверхсложные упражнения, усиленно тренировали его, нападая на него одновременно с двух сторон. Как обычно, мастера фехтования работали на совесть и ждали того же от Пола.

– Настоящий ассасин не станет жалеть тебя, парень, – сказал Гарни, нанося удар.

Отерев пот со лба свободной рукой, Дункан похвалил Пола в более изысканных выражениях:

– Ты прекрасно работал сегодня и скоро преодолеешь этот барьер. Последние пару месяцев ты топтался на месте, а потому нам было необходимо подтолкнуть тебя вперед, объединив усилия.

– Это верное замечание, – поддержал друга Гарни. – Я вижу то же самое. Теперь в твоём боевом мастерстве есть что-то... новое и лучшее.

Пол просиял от этих похвал, ему было приятно, что наставники заметили сдвиг.

– Я постоянно практиковался в нескольких специальных техниках, так, как вы меня учили.

Мать, помимо этого, обучала его навыкам Бинэ Гессерит – навыкам управления работой мышц, недоступным Дункану и Гарни. Он улыбнулся двум своим могучим соперникам.

– Каждая усвоенная мелочь делает меня лучшим бойцом. Нужно постепенно заучивать каждый способ, овладевать им и только потом двигаться дальше.

Гарни хрипло рассмеялся.

– Так теперь ты даешь нам уроки, а не мы тебе? Сам решаешь, когда тебе двигаться вперед, а когда стоять на месте?

– Да, но я же делаю то, что вы мне говорите, а значит, это вы меня учите, а не я вас, разве нет? – спросил Пол.

– Какой находчивый парень, умеешь орудовать и мечом, и словом!

Учителя готовили его к схваткам не на жизнь, а на смерть, и Пол искренне гордился своими успехами. Но он не позволял себе самоуверенности, ибо каждый шаг вперед отмечал лишь веху на пути к постижению еще более высокого искусства. Всегда есть чему учиться и что познавать.

Все трое со звоном соединили рапироны, как они всегда делали в конце особенно успешного занятия, а затем расстались. Пол принял душ и переоделся в домашний пиджак и брюки, потом вернулся в свои покои, в музей своей молодой жизни – комнаты были заполнены фехтовальным инвентарем, пирамидами стрелкового оружия, на стене висели сделанные в прошлом месяце портреты родителей и Пола в день его четырнадцатилетия.

Он встал у панорамного окна и окинул взглядом Каладанское море, протянувшееся до самого горизонта; посмотрел вниз, на подножие отвесного утеса, на котором возвышался замок, на белую полосу прибоя, бьющегося о прибрежные скалы. Вдали на волнах, увенчанных белыми барашками, пританцовывали рыбацкие лодки. Над головой, высоко в небе, прожужжал патрульный орнитоптер. На таком любил летать Сафир Хават, отвечавший за безопасность Дома Атрейдесов.

Мысль об учителе-ментате и многих его напутствиях внезапно заставила Пола насторожиться. Сафир советовал никогда, ни при каких обстоятельствах не становиться и не садиться спиной к двери. Наставник называл это ситуационной осведомленностью. Помня совет, мальчик в любом помещении первым делом мысленно отмечал двери, откуда исходила угроза, откуда мог появиться потенциальный убийца и где находились пути отступления. В комнате Пола была вторая дверь, ведущая в спальню – там он мог укрыться в случае нападения. Он даже практиковался в бегстве через балконную дверь – карабкался вниз по стене замка или перелезал на соседний балкон.

Он обернулся к закрытой двери, положив руку на кинжал, висевший на поясе. В коридоре послышался негромкий шорох, но, когда раздался тихий, знакомый стук в дверь, Пол мгновенно успокоился.

– Входи, мама.

Джессика открыла дверь и вошла в комнату. Со своими волосами цвета темной бронзы, в парадной накидке, скрепленной спереди голубой сапфировой булавкой – подарком Лето для особо торжественных выходов, – она выглядела по-настоящему царственно. Взгляд у Джессики был серьезным и сосредоточенным.

– Слышала, вчера у тебя был неприятный разговор с отцом. Я почувствовала в твоих словах больше беспокойства, чем он. Могу я чем-то тебе помочь?

Пол долго молчал, глядя на мать. Она тоже была одним из его учителей. Благодаря ее урокам он мог регулировать дыхание, пульс, рефлексy. Но Джессика умела и многое другое – например, управлять собственным обменом веществ, изменять течение некоторых биохимических процессов.

Он изо всех сил старался использовать эти техники Ордена сестер, чтобы укрепиться перед лицом своих сомнений, но полностью ему это не удалось. Он был разочарован, хотя и отказывался признаться в этом даже самому себе.

Джессика видела выражение его лица, распознала гордость Атрейдесов, такую же, какой отличался и Лето. Стоя перед Полом, она прекрасно осознавала, что он обижен и уязвлен, и попыталась поддержать его. Она протянула руки, чтобы обнять его, но он уклонился, отступив назад.

– Мне кажется, что ты сильно расстроен, но если ты не хочешь, чтобы я...

– Я этого не сказал. – Он с трудом улыбнулся. – Я все еще думаю.

Она прикоснулась к его руке.

– Ты расскажешь мне об этом?

Он высвободил руку.

– Мне очень дорога твоя забота обо мне.

– Моя *любовь* к тебе, – поправила она сына.

– Я уже поговорил с отцом о моем будущем и о его планах относительно Дома Атрейдесов. – Пол повернулся к окну. – Но он – герцог.

Одна эта фраза заключала в себе одновременно множество вопросов и ответов.

Она тоже подошла к окну и встала рядом с сыном, глядя вместе с ним на океан. Джессика понимала гордость Пола, его стремление к независимости. Она наблюдала за ним, но не баловала. Лето не хотел, чтобы его сын выглядел слабым. Взрослея, Пол постепенно познавал себя, шаг за шагом отделяясь от родителей. Таков был естественный ход вещей.

Хотя Джессика была предана идеям Бинэ Гессерит и прекрасно подготовлена, ей приходилось играть роль, сложность которой потрясла ее. Узы, связывающие Джессику с Орденом, были неразрывны, но, несмотря на это, она смогла стать органичной частью Дома Атрейдесов, верным сподвижником Лето. И все же главная ее обязанность – быть матерью Пола, хотя Орден мог бы и не согласиться с этим...

Она знала, что Бинэ Гессерит опутали своими невидимыми нитями Империю, следили за всеми благородными Домами и исподволь, дергая за нужные ниточки, управляли их делами. Джессику воспитали в школе Матерей, однако ей была чужда жажда власти. Она была довольна ролью законной наложницы Лето Атрейдеса и матери Пола – даже, пожалуй, счастлива. Она нашла свою любовь, невзирая на запрет Ордена поддаваться эмоциям. Главной заповедью сестер был примат требований Ордена над личными интересами. Джессика балансировала на тонкой грани, стараясь совместить и то и другое, и пока ей это удавалось.

Она искоса взглянула на своего сына-подростка и задумалась о его возможностях. Когда Пол был еще маленьким, она просто наблюдала за его играми, но сейчас перед ним во весь рост встали более серьезные проблемы, и целью стало научиться быть герцогом Каладана. Он уже не был мальчиком, но еще не стал и мужчиной. Она от души желала ему еще хотя бы недолго наслаждаться отпущенной ему свободой и невинностью. У него не было друзей-ровесников, не было юношеской влюбленности в какую-нибудь из местных девочек. Но у него, правда, были Гарни Холлик и Дункан Айдахо – его учителя, защитники и друзья.

Она заговорила с сыном спокойно и твердо:

– Как сын герцога ты должен принять решение и определить свою роль, свою идентичность, решить, как будешь жить дальше, как относиться к самому себе.

Он продолжал смотреть на море, не отреагировав на ее слова. Джессика видела, что он глубоко погружен в свои мысли. Не сказав больше ни слова, она неслышно вышла из комнаты.

Расстроившись после неожиданного и тяжелого разговора с сыном, Лето решил посоветоваться с Сафиром Хаватом. Воин-ментат был наставником и учителем Лето со времен юно-

сти герцога. Хават только что вернулся из очередного патрульного полета, которые он совершал регулярно, чтобы лично удостовериться в добросовестности службы безопасности.

Они встретились в семейном музее Дома Атрейдесов, где была собрана небольшая коллекция экспонатов, открытая для публики дважды в месяц. Не далее как утром подчиненными Хавата был задержан вор, пытавшийся украсть одну из реликвий, первую статуэтку ястреба, которой было уже несколько сотен лет. Лето взволновала не столько сама попытка воровства, сколько то, что она оказалась возможной, поскольку ставила под сомнение работу охраны. Старый ментат пообещал разобраться в происшествии и принять дополнительные меры по охране замка.

Герцогу, однако, не давали покоя тревожившие его мысли.

– Я уверен, что ты до конца разберешься в этом деле, Сафир.

После разговора с Полом герцог наконец принял решение. Некоторое время он молчал, а затем, ибо Хават был его близким другом, решил поделиться с ним наболевшим.

– Мой сын очень обеспокоен своей ролью в Доме Атрейдесов, своим будущим как будущим моего наследника. – Он тяжело вздохнул. – И он имеет основания для тревоги. Два года назад все было поставлено под сомнение, когда я дал согласие на брак с Илезой Икац. Положение Пола пошатнулось, и он отлично это помнит. Если я когда-нибудь вступлю в официальный брак, то мой законный наследник оспорит права Пола. Теперь, после разрушения Оторио, в Ландсрааде произойдут большие сдвиги, будет много свободных невест, причем невест востребованных. – Он озабоченно покачал головой. – Хотя я ни о чем не просил Императора, мое положение остается двусмысленным, а вместе с ним и положение моего сына и женщины, которую я люблю.

– Политика изменчива, – сказал Хават. – Когда-нибудь женитьба на дочери другого Дома может стать необходимостью.

– Но как быть с людьми, которым я причиню боль своим решением?

Хават нахмурил густые брови.

– Таковы политические реалии, милорд, и все, что вы можете сделать, – это лишь смягчить удар. Выказывайте Полу и леди Джессике свою любовь, но держитесь намеченного курса. Леди Джессика осознает и примет этот факт, как, впрочем, и Пол.

Лето поднял голову и посмотрел в глаза Хавату.

– Я не собираюсь отставать Джессику. Если брачный союз станет неизбежным, то нам придется склониться перед необходимостью, по крайней мере, внешне. Но у меня есть иное решение.

Хават с интересом взглянул на герцога.

– Полу уже четырнадцать, – сказал Лето. – Если Ландсраад потребует, чтобы Дом Атрейдесов заключил брачный союз, то давайте подойдем к делу с другой стороны; это, во всяком случае, отвлечет их от сути вопроса и заставит потратить время на пустые переговоры.

– Как я могу помочь вам, милорд?

– Я хочу, чтобы ты искал подходящих невест для Пола.

* * *

*Маски и униформа не смогут скрыть все тайны нашего прошлого.
Полковник-баши Джопати Колона. Из личного дневника*

Стоя рядом с тронном Золотого Льва, с высот которого Император обращался к придворным, командир сардаукаров сохранял полную невозмутимость. Он не мог допустить, чтобы кто-нибудь заметил, что внутри у него все кипит в предчувствии опасности.

Полковник-баши Джопати Колона был с Императором на Оторио и проверял сообщение Лето о подозрительных действиях какого-то незнакомца. Он лично руководил эвакуацией Императора и его ближайшей свиты и никогда больше не допустит, чтобы подобное повторилось.

Теперь же аристократы Ландсраада толпились в аудиенц-зале императорского дворца, наперебой выражая свою озабоченность благополучием возлюбленного Шаддама IV. Каждый из них страстно желал быть замеченным. Они громко оплакивали невинно убиенных подлым нападением Якссона Ару, но сардаукар ясно видел, что все они уже положили глаз на какой-нибудь пустующий трон, на свободные владения, на богатства, которые можно было теперь урвать...

Большую часть своей жизни Джопати Колона наблюдал за тем, как имперская политика затеняла и ретушировала реальность, меняла по своему усмотрению исторические хроники и отправляла в небытие великие семейства. Собственный Великий Дом Джопати был свергнут много лет назад в результате заговора, состряпанного Императором Элрудом и герцогом Паулусом Атрейдесом. Это был предательский удар в спину, которого ни один достойный человек не может ни забыть, ни простить.

Отец Шаддама каким-то образом убедил или заставил Паулуса Атрейдеса внезапно напасть на планету Дома Колона Дорхис. Во время нападения некоторые члены семейства Колона были убиты, а молодому человеку вместе с отцом и братьями пришлось скрываться. В конце концов герцог Паулус выследил повстанцев – Джопати теперь знал это наверняка – с помощью тайных агентов-сардаукаров, переодетых в форму Дома Атрейдесов. Юный Джопати Колона и его братья были схвачены, а затем перевезены на планету-тюрьму Салузу Секундус, где их взяли на службу в корпус сардаукаров.

Проведя всю жизнь на суровой военной службе, полковник-баши утратил свой Великий Дом, но ничего не забыл. Он успешно продвигался вверх по служебной лестнице, стал офицером, а теперь служил в личной охране Императора. Он сохранял верность, но помнил, чего была лишена его семья, помнил, что Император отнял у него владение. Эти утраты постоянно омрачали его дух, питали враждебность, которую он скрывал ото всех.

Люди, совершившие это ужасное преступление, умерли много лет назад, но Дом Атрейдесов и Дом Коррино остались. С другой стороны, полковник-баши не мог забыть, как молодой герцог Лето Атрейдес удивил его неожиданным проявлением великодушия и благородства...

Устав от долгого общения с придворными, Император Шаддам удалился в свои покои, чтобы отдохнуть и подумать. Он плохо спал после трагедии на Оторио, планируя ответное мщение – знать бы только, куда нанести удар! Он назначил несколько комиссий, поручив им досконально разобраться с деятельностью Содружества благородных, чтобы не допустить распространения мятежа. Был ли Якссон Ару озлобленным одиночкой, движимым личной ненавистью? Как далеко простираются цели восстания, направленные на уничтожение тысячелетнего правления Коррино?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.